

Слава Сэ

РАЗВОДЫ

Слава Сэ
Разводы (сборник)
Серия «Проект Славы Сэ»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48454039
Разводы / Слава Сэ: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-109614-4

Аннотация

Сборник новых рассказов, пьеса и роман... Вот такой жанровый коктейль приготовил своим читателям известный Сантехник. Немного о любви, чуть-чуть о творчестве, умеренно о психологии и много про ЭТО...

Содержание

Рассказы	5
Разводы	83
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Слава Сэ Разводы

© Слава Сэ, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Рассказы

* * *

Одна взрослая дочь ходила печальной. Её абстрактный отец спросил: «Почему ты грустная?»

– Понимаешь, мы вроде бы предохранялись... – ответила дочь.

Всё сделалось вмиг голубым и зелёным. Прошли апатия и зубная боль. Путешествовать расхотелось. Пропал интерес к развитию дачи. Запас денег из нормального стал ничтожным.

Чтобы стать отцом, достаточно поздравить с 8 Марта случайную женщину.

Чтобы НЕ стать дедом, нужно носить ожерелье из человеческих ушей и раз в месяц бегать по району с окровавленной саблей.

Знакомый мафиозо говорит, женихи его дочери даже цветы дарят в костюме радиационной защиты.

Я не вступил в мафию, когда звали. И теперь пожинаю плоды. Я сказал взрослой дочери:

– Давай без глупостей. Что принесёшь – всё будет наше. Ребёнок – это не конец света, несмотря на обилие общих признаков.

Я вспомнил, как готовить домашний творог с бананом. И что хаггесы лучше памперсов. И что если у ребёнка холодные ладошки, значит, температура растёт.

Я наметил себе переклеить обои. Кроватку купить по объявлению. Записаться в детский сад. Договориться о скользющем графике на работе. Гулять с коляской собрался в сквере

за школой, где наслано, но зелено.

Женщины любят ёмкие фразы. Предложение «Мы вроде бы предохранялись» круче романа «Гордость и предубеждение», в котором за 600 страниц ни одной действительно неловкой ситуации, а всё только шуточки и танцы.

Также женщинам нравятся двойные смыслы. Например, шутка о бурундуке. Напомню:

Абстрактная женщина сказала мужу:

– Юра! У нас две полоски!

– Две полоски? Ты купила бурундука?

Тут мужчины пожимают плечами, потому что не знают, как выглядит тест на беременность. А женщины хохочут.

Через три дня взрослая дочь сообщила:

– Бурундука не будет.

Заметьте, эта фраза круче уже двух романов. В ней сначала всё случилось, а потом всё рассосалось.

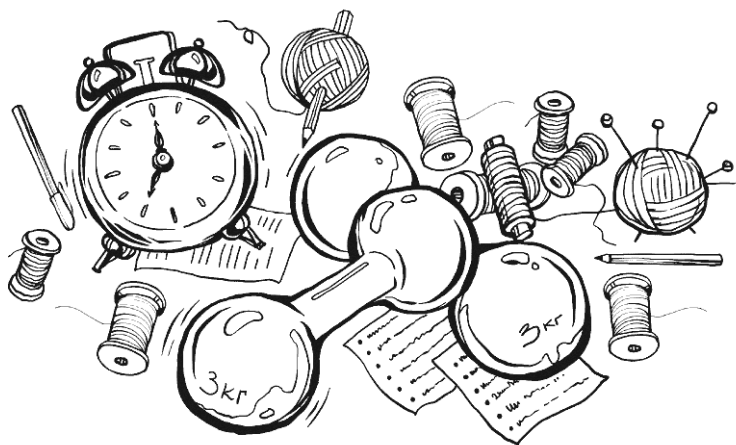
А я-то уже сделал мысленно ремонт, установил кровать, составил меню, где 100 % витаминов, и приготовился не спать до 2024 года. В четвёртый раз отучился в школе (тоже мысленно). Вырастил из сюрприза хоккеиста или балерину.

Целая жизнь вдруг развеялась. Снова можно ехать на дачу, пилить старую яблоню. Только зачем это всё... без бурундука.

Теперь, если спросить, как провёл выходные, абстрактный отец измождённо падает лицом в стол. И молчит. Он не умеет изъясняться так ёмко и многозначительно, как это делают

женщины.

* * *

Зощенко писал, что голому человеку в бане некуда спрятать номерок. Это не совсем так. Для одного номерка всегда найдётся место. Не такой он крупный. Благодаря удачной форме номерок влезет в любой, так скажем, монетоприёмник.

Во-вторых, любая женщина из бани моего детства могла спрятать на себе до сотни номерков. Чем лучше у женщины аппетит, тем больше на ней удобных складок. До трёх кило-

граммов кокаина можно рассовать, и никто не догадается.

Однажды номерки отменили. Ключи стали выдавать по цифрам на тазике. Сдаёшь тазик – домой идёшь одетым. Эта изошрённая бухгалтерия давала сбои. У одной купальщицы украли всю одежду вместе с тазиком. Попарилась, называется. Голая, зарёванная, сидела она в раздевалке, красиво переплетя ноги. Писала жалобу. Старуха-ключница бегала к ней домой за новой одеждой. Будила мужа, рылась в шкафу. Потом они дружили семьями – целая история.

Однажды в бане моего детства погас свет. Я остался один на один с неосвещёнными произведениями Рубенса, это довольно страшно. За стеной мужики заржали, построились и вышли. Спасибо армии родной за этот навык. А женщины стали совещаться. Они полагаются на разум, а не на устав. Одна говорит, пойдёмте все направо. Но многие и днём не помнят, где право, а тут ночь. Дамы ползали вдоль лавок, повизгивая при встречах. Боялись обжечься о кран с кипятком.

Вдруг в баню вошёл мужчина с зажигалкой. Ничего не увидел, позвал тихо – Оля!

Его поймали, поцеловали, отобрали светильник. Женщины ходили за огоньком как мотыльки. Их слабо подсвеченные лица были вдвойне красивы. Нестройным облаком они вышли в раздевалку. Причём мыло и мочалку все взяли, а

тазики забыли. Бабка-сторож не стала вредничать, открыла сразу все шкафчики. Одевались тоже в сумерках, на улицу выходили с бирками в самых неожиданных местах.

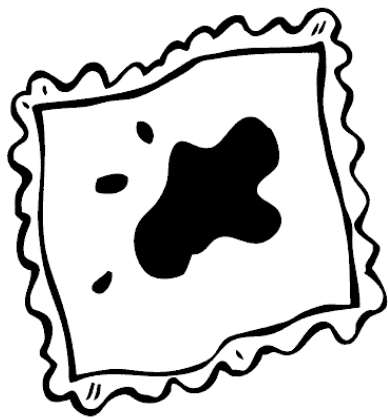
Больше я в женском отделении не мылся. Но навсегда запомнил, как рады бывают девчонки простой зажигалке.

Я рассказал эту историю жене. Оказывается, и с ней такое случалось. Однажды в её баню вошёл монтёр и стал менять лампочку. Не обращая внимания на окружающую красоту и беззащитность. От пережитого ужаса Лариса разлюбила термы всех видов и моется с тех пор в одноместном душе.

Я спросил, видит ли она какие-нибудь различия между нашими историями? Моя, например, про ужас маленького мальчика, попавшего в западню среди толстых женщин. А её – что-то там про подглядывание.

– Разница огромна! – сказала Лариса. – Я девочка, а ты мальчик. Мой шок куда тяжелей. Он монтёр, а я голая. Представляешь?

Я могу представить голый кого угодно. Я в детстве мылся в женской бане. У меня вся литература на этом построена.

* * *

Женщина всегда хочет к морю, но стесняется сказать прямо. Она абстрактно жалуется на ненастье. Покашливает вы-

разительно. Зябко кутается. Измеряет температуру, свою и на улице. Как бы вопрошая, вот эта разница между 36,6 и -20 ни о чём не говорит? И только в самом крайнем случае, за пять минут до истерики может сказать: «Я замёрзла, отвези меня в Канны».

Я заметил, жара на даче женщине не подходит. Хороший климат начинается не ближе чем за тысячу километров от дома. Лишь где-то в Таиланде, ко всему прилипая, за минуту до теплового удара, она скажет: «Как же здесь хорошо, спасибо за этот подарок».

Я не люблю обобщений, поэтому возьмём конкретную мадам Попову. Её муж, меcье Попов, отправил жену на курорт. Через месяцc получил письмо:

«Вынуждена задержаться. Пришли ещё денег».

И всё. Никаких «целую в бусю». Или подпись «твой хомячок» хотя бы. Одинокaя точка в конце. Похожая на дырочку от пули.

Попов заподозрил неладное, но искать жену не поехал. Не позволила северная гордость. Я пошёл примирять Петрова с обстоятельствами жизни.

Женщину можно утешить путешествием, белым вином и тонким наблюдением о том, как страдает без неё её бывший и какой он подлец.

Попову такое не подходит. Мужчину можно утешить конкретными цифрами. Например, «твоя машина ест всего 9,3 литра на сотню!» или «окунь на 472 грамма!». Свойства автомобиля/ружья/велосипеда/рыбы мужчина приписывает себе. А личные качества – рост, лысина и талия – к нему не относятся. За эти параметры отвечает жена, это её личный позор.

«Сам-то я не толстый, просто она меня раскормила», – объясняет мужчина историю раздавленного мопеда.

Ещё раз, качества железяк – заслуга мужчины. А толстожопие и косоглазие суть проделки жены. Так что хвалите его мормышки и станете лучшим другом.

Второй шаг, напитки. Тут понятно, на сухую о любви не поговоришь.

Третий шаг – нужно похвалить его бывшую. Следует сказать: «У твоей сколопендры отличные сиськи всё-таки!»

Объясню: быть брошенным потрясающей женщиной по-чётно. Называя же беглянку тупой коровой, вы намыливаете другу петлю. Запомнили? Бабу – хвалим!

Четвёртый шаг: никуда не едем, пьём на месте.

* * *

Составив себе этот психологический конспект, я отправился утешать Попова. Дело было прошлой зимой, в холода.

Попов живёт в Кокорякино, в очень старом доме. В этом же доме живёт привидение бабки. Старуха скрипит по ночам и прячет нужные вещи, особенно носки.

Попов сказал, что сам виноват. Он не объяснил жене красоту севера. Прорубь после бани, мороженое в январе. А голоногие проститутки на морозе! А выносить мусор в трусах сквозь снежный буран? Не об этом ли плачут наши эмигранты в Коста-Рике?

Сам Попов всегда рад прийти в тёплый дом, звеня остекленевшими ушами.

Теперь немного про тёплый дом. У Попова замечательная печь. Попов сам её построил и очень любит рассказывать про КПД. У печи три дверцы и пять заслонок. Работает на картофельных очистках. Попов показал, как запускается этот звездолёт.

Он побежал по этажам, регулировал заслонки, напустил дыму. Дышать в форточку запретил, ибо всё тепло уйдёт на улицу. Пришлось лечь на пол, в тонкий слой кислорода. Когда воздух в доме закончился совсем, мы выскочили через окно в чудесный яблоневый сад. Привидение бабки выскочило следом. Призракам тоже нужен воздух, оказывается.

Не все печи в Кокорякино столь технологичны. Многие выдувают дым в трубу по старинке. Попов по запаху опреде-

лил, кто из соседей топил дровами, кто углём, а кто газетами и что в этих газетах написано. Жизнь на природе развивает в человеке множество ненужных навыков.

Ночь, мороз. Сидим, дышим. Вдруг за забором прямо из снега поднялся человек. Постоял немного и ушёл.

– Это Серёга, – сказал Попов. – У него канализация замёрзла. Он теперь в саду закаляется. В Кокорякино великое оледенение даже не заметят, настолько люди близки к природе. Вон там (указал на Зюйд-Вест) в сугробе спит Володька. Устаёт на работе. От него тоже жена ушла, к армянину. Моя хотя бы с французом сбежала. Климат им не тот. Нормальный климат. Тульская область третий год подряд возглавляет список жарких стран со второго по пятое июня. В эти дни, если закрыть глаза, нос и слепней отогнать, Кокорякино не отличишь от Сен-Поль-де-Ванса.

Я снова похвалил жену Попова, его печь, автомобиль и удочки. Ещё сказал, с точки зрения женщин Заполярья – мы знойные южане. Если в брачную газету «Гормон Якутии» написать про дом под Тулой, волна невест ударит в ворота и даже снесёт их.

Мы стали фантазировать о том, какие мы клёвые с точки зрения женщин Якутии. Эти наши роскошные сады, наша теплынь по шесть недель в году. Глупо из такого рая скакать во Францию, искать сбежавшую жену, стучать в дупло кар-

тавым соперникам.

К тому же она сама вернётся. Когда осознает. Ещё драться будет с якутянками. Так сказал Попов и пошёл колоть дрова.

* * *

Маша ходит в школу с какой-то радостью. В речи её зачастили слова-паразиты Никита, Денис и Матвей. Возвращается ещё трезвая, но уже с голыми ногами. А у меня даже ружья нет.

В детстве она носила домой каких-то жалких котят, кругом больных. Боюсь, жениха принесёт такого же. Ради нор-

мального кандидата я готов вмешиваться в выборы и устроить революцию.

Маша – фантастический лодырь. Скорей всего, её вернут домой прямо в свадебной упаковке. Мне за неё радостно и стыдно. Я показывал дочери, как выглядят швабра и пылесос, два слагаемых женского обаяния. Учил её готовить. Предложил рецепт щей, не требующий мелкой моторики. Открыл удивительный мир кипятка и кислой капусты. Маша пришла на кухню в пальто (у нас плохо топят), забралась с ногами в кресло и стала читать Бродского вслух, чтобы мне не было скучно её учить.

В свои щи я добавляю вообще всё. Они неплохая замена второму и третьему блюдам.

В этом рецепте Маше понравилась плавность моих движений, морковь на обоях и пламя в потолок. Больше, говорит, ничего не запомнила.

Однажды Машины дети захотят есть. В тот день она снимет пальто и сварит свою первую кашу. Блюдо выйдет крепким, как цемент, и таким же вкусным. Семью сначала придётся пороть, чтобы не выплёвывала. Потом люди привыкнут и даже попросят добавки.

Успокоив себя этими фантазиями, я перешёл от кулинарии к красоте. Показал, как ходят фотомодели. Потом неко-

торые приёмы кокетства. Я умею двигать бровью, плечом и бедром одновременно. Я знаю, как выглядят текучесть и ранимость. Первая моя любовь однажды наклонилась за сумочкой – колени вместе, спина прямая – и я тридцать лет уже помню тот изгиб. И даже могу показать на себе.

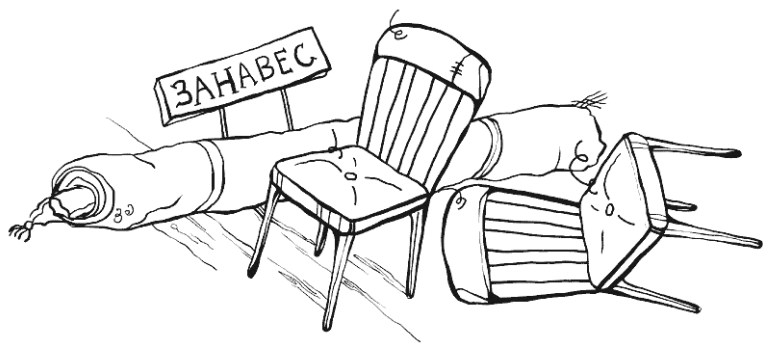
Вторая любовь умела ассиметрично улыбаться. Третья садилась на шпагат. Четвёртая показала однажды свои рентгеновские фото, там был удивительно красивый позвоночник.

Маша игнорирует мои рекомендации. Говорит, это у неё не сиволапость, а трогательная несобранность. И вообще, главное в любви – это любовь. А я видел любовь и поэтому как раз волнуюсь.

Младшая дочь Ляля тем временем выкрасилась в чёрный, носит штаны с дырами и слушает страшный рок. Поцелуи и обнимашки – для слабаков, все пацаны – отстой. Сладкая моя конфетка.

* * *

Сантехники боятся полнолуний. Журнал вызовов подтверждает: на луну реагируют не только сумасшедшие бабушки, но также нормальные девушки, матери семейств и почему-то старший офицерский состав. Чувствительность к фазам луны проявляют также трубы любого возраста, краны и унитазы.

Прошлая пятница с точки зрения астрологии была ужасна. Одновременно случились затмение, полнолуние, противостояние Марса и ретроградный Меркурий. И когда мне сказали, что где-то прорвало трубу, а в другом месте взорвался унитаз — я удивился. Чем таким важным в этот день

занимались прочие трубы и унитазы, а также старший офицерский состав?

В тот день я был дежурным сантехником. Я должен был первым явиться на место катастрофы, чтобы выслушать все эвфемизмы и оскорбления, которыми так богат русский язык. Сначала поехал к трубе. Вбегаю в подъезд и слышу, одна женщина кричит: «Можно подумать, он из Африки едет». Другая: «Да наверняка спит в каком-нибудь подвале». Потом они сказали что я «падла» и «мудак». Не то чтобы я отрицаю, просто откуда они знают?

Вбегаю, одной рукой кручу вентиль, другой ругаюсь с женщинами. И вдруг звонит телефон. Отвечаю что-то на звонок, ругаюсь со всеми сразу, как супергерой.

В телефоне меня послушали и говорят: «Вячеслав, это же я, Арина, редактор журнала такого-то. Хочу спросить вас о новой книге!»

Арина чистый ангел не только в районе колен, хороши также грудь и улыбка. Вряд ли такая девушка сталкивалась раньше с унитазами. Только от меня и узнала, что это изделие надевают на голову или вставляют с силой в отверстия, для этого не приспособленные, хотя и родственные функционально.

И вот, вода течёт, бабы орут, какая-то собачка кусает мои ноги, мы же с Ариной говорим о литературе.

– Расскажите о вашей новой книге для наших милых читательниц, – просит Арина.

Моя новая книга, объясняю, о том, какое чудо есть женщина. Я от неё теряю разум в широком смысле.

Сюжет моего романа, говорю, разворачивается на маленьком острове в мелком и холодном море. Один капитан проиграл в карты артиллерийское орудие. Теперь островитяне палят картошкой по полицейскому катеру. К капитану меж тем приходит любовь, но не одна, а с переживаниями. Сам остров плывёт на черепахе, потому что всякой книге нужна дурацкая аллегория. Не знаю, как с чтением, писать было интересно.

Арина поблагодарила и отключилась. Я поворачиваюсь к грубым тёткам. Рассчитываю увидеть потрясённые лица и восторженные глаза. А они ржут. Умора, говорят. Наш придурок (это я) книги пишет!

С тех пор все заявки тётки начинают словами «скажите моему писюку...» или «пусть ваш писец приедет, у нас тут полный подвал сюжетных линий».

Вот так и выглядит настоящая популярность. А то многие спрашивали, а я не мог объяснить.

Что интересно, мой коллега Александр Нитунахин тем же женщинам читал поэму собственного приготовления – и ничего. Никто даже внимания не обратил.

* * *

Люи Си Кей говорит: когда вы закрыли дверцу за женой и обходите машину, чтобы сесть за руль, – это время и есть ваш отпуск. Как только сели за руль – отпуск закончился.

Жена моя Лариса описала мне мои мечты. Она сказала:

я люблю путешествовать по Германии, фотографируя домики. А лежать на диване я не люблю.

Я ответил, пусть будет Германия, только по пути заедем к другу Лёнечке в Беларусь на бардовский фестиваль. То ли тихо сказал, то ли жена моя отвлеклась. Лишь проезжая город Сморгонь, она заподозрила подвох. Спросила, уверен ли я, что это Германия. И если да, то где немцы?

Я ответил: немцы тут были в 42-м, с тех пор многое изменилось.

Барды пели хором. На шум пришли деревенские, стали танцевать. Один крестьянин хотел исполнить сальто. Упал с большим грохотом. Не сдался, прыгнул ещё, опять упал. Фестиваль перекрестился. «Что-то тут не так», – думал танцор, разгоняясь для окончательной травмы. Он никак не мог избавиться от чувства удивительной лёгкости и всесилия.

* * *

Ни на одном фестивале в мире под бардовские песни не танцуют с такой самоотдачей – ударяясь о землю. Хотя некоторые песни и подталкивают к суициду.

На закате первого фестивального дня Лариса отвела меня в сторону. Говорит:

– Я видела, в огороде стоит шкаф. В него выстроилась очередь. Если это и правда туалет, как написано на дверях, то не могли бы мы немедленно застрелиться вместе, как обещали

той женщине в ЗАГСе?

Я ответил:

– Ну что ты, глупышка, какой-то шкаф. Там дверцы со стеклом – значит, это сервант. Иди в него и ничего не бойся. Там есть свет. Ночью, благодаря стеклянным дверцам, твои синие платице и бусики будут видны на многие километры. Не говоря уже про босоножки. Это ли не лучшая часть отпуска?

Тем же вечером в Ларису влюбился крестьянин Шурик. Пригласил в баню. Пообещал отхлестать веником. Лариса всё ещё хотела в Германию, поэтому ответила Шурику строгим тоном:

– У меня есть муж! И только он вправе меня хлестать, шлёпать, хлопать, сечь, мять или какие у вас тут ещё есть способы мыться.

Тогда Шурик предложил отхлестать меня, пока я хлещу Ларису. Раньше я парил женщин только в переносном смысле. Теперь пришла пора настоящих отношений. Я показал жене носом на парилку. Таким жестом палачи отправляют жертв на плаху. Шлёпнул Ларису сначала нежно. Она попросила шлёпать сильнее. Я ударил энергично, думал, что взвизгнет.

Но она сказала томно:

– О да, так лучше!

Некоторое время я откровенно лупил жену веником.

– У тебя что, сил нет? – спросила она недовольно.

И тогда я ка-ак врезал! Никакой реакции. Я ещё раз ка-ак врезал! Снова молчит. Мне мешал потолок, веник мгновенно осыпался. На рыцарском турнире меня бы дисквалифицировали за избыточную жестокость. Я представлял перед собой врагов и что сражаюсь за Родину – ничего не помогало.

Лариса говорила только «и это всё?», «мда» и «видимо, я так и не согреюсь сегодня».

Хотел уже врезать ей тазиком, но там был только ковшик, а сломать о жену чужой ковшик – не настолько яркая я личность.

После бани Лариса с интересом спросила у Шурика, его ли это собственная баня. И умеет ли он парить так, чтобы косточки запели.

Примерно через час мы поехали в Германию, как я и обещал. Бардовские песни для меня слишком порочный вид искусства, оказывается. И конечно, наша жизнь никогда не станет прежней.

* * *

Девушка с самыми длинными в мире ногами чуть на меня не наступила.

Мы встретились на книжной выставке, в узком коридоре. На ней было розовое платье. Оно начиналось на высоте моего носа и уходило вверх. Считать ли это место началом ног или их окончанием, зависит от того, падаете ли вы с этой девушки или только взбираетесь. Я уступил ей путь, вжавшись в стену. Старался не шевелиться. В таких обстоятельствах любое движение может выглядеть попыткой подсмотреть куда не надо.

Я был не прочь с ней поговорить. Но рации для связи с башней у неё на бедре не висело. А кричать в пупок «сова, выходи!» казалось неловким.

Вряд ли она была экспонатом. Скорей, тоже книгу написала. Что-нибудь с названием «Моя семья и другие насекомые». Или: «Перешагивая турникеты».

На выставку пришли ролевики – гномы, эльфы, ещё какие-то зелёные дети с дубинами. Увидев НОГИ, они про всё забыли. Гномы уставились в небо, эльфы уронили луки. Быль переплюнула сказку. Девушка прошла, не глядя на заморышей. Дымный шлейф мужских фантазий тянулся за нею.

Я не знаю, почему ноги так важны. Женщины миллионы тратят на глаза, грудь и губы. Хотя могли пришить две красивых ноги – и всё. Потому что больше никто никуда уже не посмотрит.

Живёт у нас в ЖЭКе одна зараза, Жанна. Сама кран сломала, не заплатила и обозвала мастера узбеком, при том что он латыш. И всех нас назвала дебилами, вообще всю бригаду.

Но однажды и у неё забилась труба. Прекрасная возможность отомстить. Мы послали к ней самого грубого нахала, Евгения. Велели доломать всё там окончательно и воду отключить. Чтоб Жанна думала впредь. Возвращается Жора несчастливый.

Говорит, она вышла мне навстречу вот в таком халатике. И показал на себе. Говорит, сознание вернулось, когда всё починил, полы протёр и от денег отказался. Загипнотизировала бёдрами и коленками, зараза.

Невозможно осуждать Жору. Как нельзя спорить с женщиной в трусах. Ибо все они безгрешны и непорочны.

Домашние спрашивали, какая из себя эта рекордсменка Гиннеса. А я не помню ни лица, ни фигуры. А ведь наверняка всё это было. Где-то там, в облаках. Посетил выставку, называется. Ничего больше не помню.

* * *

Одна женщина-офтальмолог проверяла моё зрение. Показала таблицу, навалилась грудью и нежно потрогала за лицо. И спросила, что я вижу. Я увидел ворота райского сада и

фиолетовые искры, предвестник обморока. По условиям игры я не мог ответить ей поцелуем. Мне можно было только называть буквы «Ш» или «М».

Наслаждение длилось около часа. Глаза мои стали излучать свет, вместо его поглощения. Очки получились +0,75 на левый глаз и +3,5 на правый. Я называю их – очки для эякуляции. Никто раньше не выдавливал из меня глазные яблоки так приятно.

Ухудшение зрения улучшает окружающий мир. Женщины становятся красивее, горизонт ближе, а квартира чище.

Но бывают и неловкости. Подружка Оля показывала фото из отпуска – листала какие-то размытые пятна в телефоне. Будучи подслеповатым, но вежливым человеком, я говорил «ух ты» и «как здорово». Потом решил одну фотографию похвалить особо, чтобы Оля не обвинила меня в неискренности. Говорю: Олечка, как же ты хорошо здесь получилась!

– Вот тут? – переспрашивает Оля.

– Да! – говорю. – Вот такой бы я и хотел тебя запомнить.

– Вообще-то, – говорит Оля, – это памятник Колумбу.

И ну хохотать. На удачу, эта добрая женщина считает меня юмористом.

А недавно я сфотографировал жену, не заметив, что глазок камеры измазан в сметане. Шедевр получился, ей-богу. Вот такая она передо мной и скачет каждый день – неясная, ускользающая, с неочевидными глазами и, скорей всего, с

улыбкой.

* * *

Лара отказывается считать дрозофил белком. Говорит, прогони их всех, и я увижу в тебе мужчину. Обычных мужских маркеров «храпеть» и «вонять» Ларе недостаточно. Но она готова признать меня самцом за путешествие в шубе по курортам. Хорошо, что я своевременно выбрал войну с мухами.

Дрозофилы приехали на мандаринах. Какой-то кавказский гостеприимный сорт. Готовы разделить со мной любую пищу. Я сказал им по-мужски: «Вон отсюда!» Но у них за неделю уже отцы тут похоронены и деды. И идти им некуда.

Воротился к Ларе, спросил, так и так, может, простим? Но она, оказывается, всю душу выложила, раскладывая фрукты в вазе. И если бы кто-то поменьше жрал, уют и красота наполнили бы дом. И хоть я считаю войну с мухами братоубийством, мне придётся пройти этот путь. Жестокость, кстати, не обязательна. Можно убивать каким-нибудь человеческим способом.

Я спросил – как это?

В ответ Лара похлопала в воздухе розовыми ладошками. Ей казалось, нет ничего проще, чем убить сто мух за один хлопок. Проверить метод на реальных мухах она отказалась. Говорит, иди и убей их, будь мужиком.

* * *

И я пошёл хлопать. Дрозофилы не ожидали аплодисментов с моей стороны. Они взлетали и смущённо кланялись. Им было приятно и неловко. Говорили, ну что вы, мы всего лишь выполняем свою работу.

Поняв, что я тупица, Лара придумала другой план. И налила мухам вина, чтобы они утонули в пьяном виде в открытом водоёме. Я спросил, как она собирается загнать мух в бокал.

– Дурак, что ли? Это шабли 16 года! – ответила жена. И покрутила у виска пальцем, непонятно кого из нас имея в

виду.

Вино простояло неделю. Мухи рисовали в воздухе большое чёрное «СПАСИБО». Лица их стали румяны, движения размашисты, тосты глубоки. Потом была пьяная драка. Я отбирал бокал, а они меня били ногами и таскали по кухне.

Сейчас все фрукты убраны в холодильник. Мухи смотрят с потолка недовольно. Просят аспирина и отказываются эмигрировать.

Лара предложила уморить их голодом, отправив себя и меня в путешествие. Она имела в виду Испанию, а я Беларусь. Это удивительный курорт, говорю. Драники без сметаны там считаются зверством диктатуры.

Лара обзванивала подруг, говорила: «Девочки, заклинаю: просясь в путешествие, обязательно уточняйте детали». Она хлопала по мне розовыми ладошками, убеждая, что Испания не хуже Беларуси. Обещала, что мы будем там исключительно бездельничать, есть фрукты и макаться в вино. И эти планы смутно мне напоминают чью-то маленькую жизнь.

* * *

Раньше Маша училась в престижном лицее имени Фейербаха. Там сочинения про лето суть список курортов. Кто посетил одну Болгарию, того даже не били, настолько жалко человека. У Маши есть лакшери-мать, она очень кстати протащила дочь по всем Европам, кроме Кишинёва. Она зорко бдит за уровнем позора.

Лицейские дети ездят на машинах. Никаких троллейбусов, электричек и осликов с тележкой. Одна девочка стеснялась приезжать на отцовской машине с мигалкой. Говорила, надоела твоя «скорая помощь», хочу на «хюндае», как простушка. Капризная дрянь, мы считаем.

У меня на работе есть ассенизаторская бочка с жёлтыми маячками. Мы с детьми тоже могли бы показать уровень, но избегаем дешёвой популярности.

В этом году неожиданно для всех Маша перевелась в вечернюю школу. Дочь моя не глупая и не беременная. Просто решила закончить экстерном. Только вечерняя школа представляет такой поворот.

Там меньше лицемерия. Там каторгу ранних подъёмов не называют счастливым детством. Там признают, что среднее

образование придумал Торквемада. И чем быстрее ребёнок отсидит, тем лучше.

Я помогал Маше собрать портфель на первое сентября. Положил нож, перцовый газ и словарь блатной фени. Пистолета не было, да Маша и не знает, с какой стороны из него стрелять.

Про топор она сказала «ну папа!». А я ответил «не пап-кай!». И заплакал.

В первый же день Маша слышала, как завуч говорит:
– Дорогие дети, курите на территории школы за сараем!
Не ходите за забор, там вас могут замести менты!

Очень трогательно. Сейчас мало где так заботятся об учениках.

С Машей сразу подружился один мальчик. Он рассказал, как колот в вену чернила из ручки. Таким было условие карточного долга. То есть, хороший мальчик, держит слово. После укола он потерял сознание, а потом ничего, даже приход был.

Другой учится только в хорошую погоду. Он работает дворником и в снегопад уходит махать лопатой.

Соседка по парте хвасталась тем, что соблазнила ученика сварщика. Ловкий ход, завидная партия.

Некоторые школьники уже отсидели в тюрьме. Это серьёзные люди с заточками. Благодаря им на уроках тихо, как в камере.

Есть в классе отличник, победитель олимпиад. Днём он

работает на стройке. Родители сказали, что не могут его содержать. На первую зарплату мальчик купил в ломбарде телефон за 30 евро и очень им гордится.

Маша говорит, люди в вечерней школе интересные. Дебилов даже меньше, чем в лицее Фейербаха.

Когда валокордин заменил в моём рационе хлеб, я потребовал возврата в лицей, к его обычным наркотикам. Но Маша сказала:

– Мы же с тобой простые люди. Не в понтах счастье.

И тем растрогала до слёз.

Я не бывал богат и вряд ли буду. Денежный поток даётся верховными божествами. Это что-то вроде синих глаз, кудрявых волос или фамилии Ротшильд. Такое на тренингах не вымучишь.

Моя первая жена ушла, лишь почуяв мою финансовую приземлённость.

Вторая, хвала небу, не разбирается в марках машин, считает мой «ситроен» приличной машиной. Ещё она знает, что можно недорого замёрзнуть в ненастье, а потом залезть в горячую баню. Или взять вина, рыбы – и все выходные провести в обнимку.

У нас есть счастливые небогатые друзья. Они говорят:

– У нас на даче света нет, воды нет, зато какой воздух! Мечтаем провести там лето!

Для сравнения, богатые друзья жалуются:

– Какие французы противные! Весь Париж изгадили!

Бедные:

– Ходили на салют, как красиво, боже мой!

Богатые:

– Омары в этом году не те что в прошлом, тупо обдиравка.

Бедные:

– Хорошо быть сантехником, всегда при деньгах.

Богатые:

– Трахаюсь в своём банке, жить не хочется!

* * *

Ещё про недорогие виды счастья. Вот менял я одной бабушке сифон. Она говорит:

– Этот новый сифон невероятно красив! Белый, как снег Джомолунгмы! Бог среди сифонов!

Не в силах выразить счастье, бабушка сварила мне кофе и напекла блинов. Потребовала, чтобы я пообедал, рассказала про соседа (чудесный, только пьёт) и что топят теперь отлично, главное – валенки не снимать. Мы сидели на кухне, пили кофе и любили весь мир.

Но чемпион по счастью малых форм, конечно, мой друг Саша Нитунахин.

Послали нас затыкать фонтан нечистот. В субботу, утром, в супермаркет, полный истеричек.

Я искал уважительную причину не приехать, например,

угодив под поезд.

А Саша Нитунахин в ту же субботу, к тому же фонтану прибыл в отличном настроении.

С коньяком и горячими бутербродами. Говорит:

– Не спеши. Пошли они все в жопу!

И вот у нас коньяк, закуска, вид на бурную реку. Заведующая магазином падает в обморок и тут же встаёт, чтобы снова упасть. А мы сидим, у нас бутерброды. Только после третьей рюмки Саша говорит – пора! И шагает, как в пропасть.

Уверяю, многие из вас лучше бы шагнули в настоящую пропасть. Я люблю Нитунахина за ту безмятежную улыбку, с которой он погружается во что угодно.

Теперь мораль. Друзья мои! Счастье – не инстаграм с красивой жопой, а мясной салат на вашей личной кухне! И сегодня моя кухня будет островом удовольствий во всемирном океане не важно чего.

* * *

Меня возили на двух машинах, иногда на трёх. Кормили шесть раз в день. Город видел: кто-то важный приехал. Вот какие поводы для похода в ресторан существуют в этом их прекрасном Кишинёве:

Разговор есть, надо сидя.

О! Геля пришла!

О, Серёжа!

Здесь будет вкусно.

Этот человек – министр спорта.

Скоро интервью, надо поесть.

Гриша советовал это место.

И конечно, с такой загруженностью времени на спокойный обед в одиночестве у людей совсем не остаётся. Поэтому они там ещё и худые.

Меня довели до состояния шара, потом выкатили на сцену. Зал оказался полон.

Я кое-как вернулся в кулисы, сказал:

– Послушайте, должны были прийти пятеро. Кто остальные 800?

– Не волнуйся, они тебя тоже не знают. Им сказали, будет весело.

– Кто сказал?

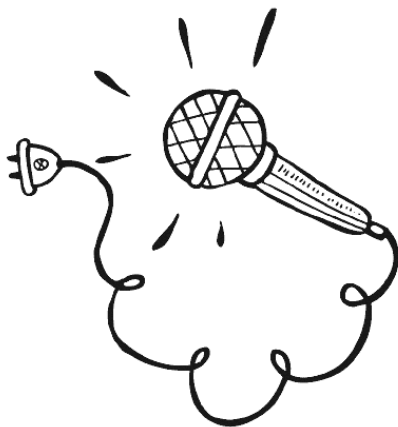
– Гриша.

В Кишинёве все знают всех. Гриша – муж Любы, брат Пети и всеобщий друг. Дружба и праздники в Молдавии дороже здравого смысла. На третий день я поклялся сам так жить. Моё второе кредо: никогда не сдаваться, позориться до конца.

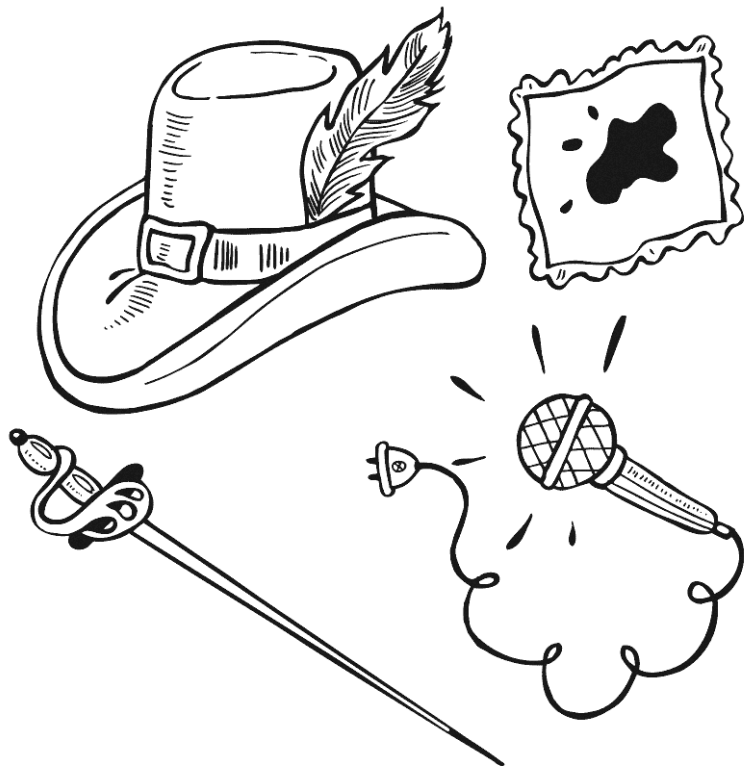
Я читал драматическую лекцию, в которой все померли. Публика сохраняла хорошее настроение вопреки моему артистизму. В произвольный момент в первом ряду захохотала пани Ангелина. «Наконец-то смешное», – догадались книголюбы.

Выходили чтецы. Миллионер Анатолий рассказал историю моего развода, звенящую от трагизма. Александр пове-

дал о том, как моя первая любовь променяла меня на «мазду». Чудесная девушка Ёлка (в Молдавии именем человека может стать любое красивое слово) рассказала про сотрясения мозга у детей. Получать наслаждение, где бы ты ни оказался – основной принцип молдавских мероприятий. И лишь нехватка времени не позволила нашему литературному салону перерасти в свадьбу с музыкой и дракой.

* * *

Маше 18. У неё свидание. Напялила самые облегающие штаны.

– Что это? – спросил я. – У нас два прадеда священники, один академик и один цыган. Откуда эта тяга к пороку и голым ягодицам? И где ты взяла грудь? Тебя же примут за

женщину, которая хочет любви!

Я предложил одеться просто и эффектно: свитер до колена, лыжные штаны. Рассказал правила свиданий для женщин.

1. Первый поцелуй не раньше помолвки.
2. В подъезды не входить.
3. Ницше не обсуждать.
4. Домой не позже семи.

И это ещё повезло, что я отец-пофигист. Будь я мать-истеричка, правила были бы намного жёстче.

Когда-то и на мне лежал покров невинности. Но однажды ураган страсти по имени Юля затянул меня в подъезд и отцеловал там до синяков.

Мужчины не любят целоваться дольше четырёх часов. Начинают возиться, просят присесть, отвлекаются. Я навсегда запомнил все трещинки в этом подъезде и как по-разному булькали его радиаторы.

На второе свидание Юля пригласила к себе. Как воспитанный гость, я принёс подарок – книгу «Камасутра». Подарил, а сам сел в ноги, стал смотреть, как Юля читает. Она прочла все триста страниц. И ничто в её лице не поменялось. Она сказала «ну всё, принцип понятен». Некоторое время мы сидели молча. Потом я предложил выйти в подъезд, поцеловаться. Тут припёрлась её бабушка, наше время истекло.

В третий раз я пришёл рассказать о Фридрихе Ницше. На-

чал с цитаты:

«Двух вещей хочет настоящий мужчина: опасности и игры. И потому он ищет женщину как самую опасную игрушку».

И вот вам превосходство немецких техник над индийскими: минуты не прошло, Юля меня поцеловала с неистовой силою.

– Вот так выполняется настоящий французский поцелуй! – сказала она, игриво оттолкнув моё обескровленное тело. Следующие четыре часа мы целовались с очень опытным видом. Чмокание сотрясало округу. А потом оказалось, что Юля курит. Я не смог этого перенести. Мы расстались.

Всё это я подробно изложил Маше, как пример ненужного молодёжного пыла. Заодно объяснил, что целоваться надо без слюней, короткими очередями, слегка привлекая и одновременно отталкивая жертву. Губы должны быть чуть напряжены, тренироваться лучше на помидорке. Помидорка вот, бери, дарю.

Маша ответила:

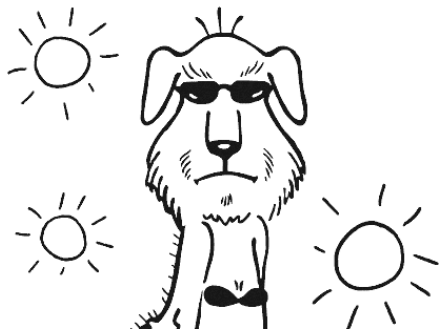
«Возлюби ближнего своего» – это значит «Оставь ближнего своего в покое!».

И ушла. Судя по цитате, Ницше они уже прошли.

Я подглядывал сквозь занавеску с девятого этажа во двор. У кавалера шарфик, шапочка, перчатки, притворяется при-

личным, усыпляет бдительность. Формально они пошли выгуливать нашего пёсика. В мирное время собачка ходит противолодочным зигзагом, брызгая на мир из пипетки. Тут же её потащили, как банку за свадебной машиной. Она билась о деревья, – всем плевать. Настолько интересный разговор сразу начался.

Они скакали по непонятным кустам четырнадцать часов. По возвращении собачка выпила свою миску и оба унитаза. И два дня при слове «гулять» бежала под кровать и там о чём-то причитала. И я её прекрасно понимаю. Вид со стороны на зрелые чувства кого угодно сделает неврастеником.

* * *

Перед поездкой в Ростов и Казань я сказал жене речь, чтобы она не волновалась и не ревновала.

Я сказал: дорогая Лариса, я еду в Ростов-на-Дону. Звучит как город соблазнов, но волноваться не о чем. Моё либидо целиком сожрано ипотекой. К тому же в сравнении со средним южанином я – человек-невидимка. Вот послушай:

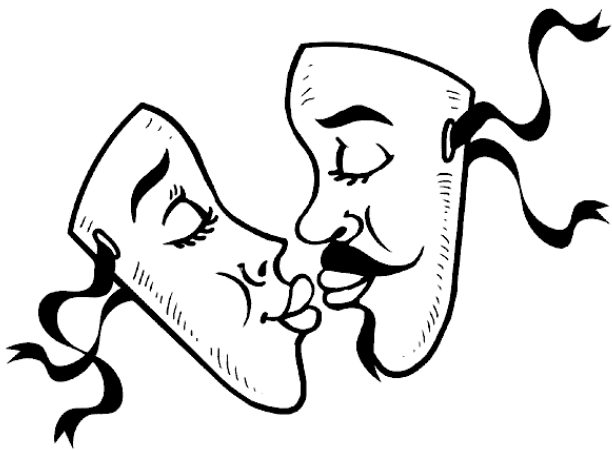
Один житель Ростова пришёл поиграть в теннис. Тут, у нас, в Юрмале. И с первой подачи соблазнил жену хозяина кортов. Она – тихая прибалтийская моль. Волосатый огонь

опалил её бледные крылья. Все деньги хозяина кортов ничто против кудрей, большого носа и пылающих глаз. Стоны из раздевалки очень чётко это показали. И ростовчанки, привыкшие к ростовчанам, даже не заметят, что приезжал невзрачный латыш.

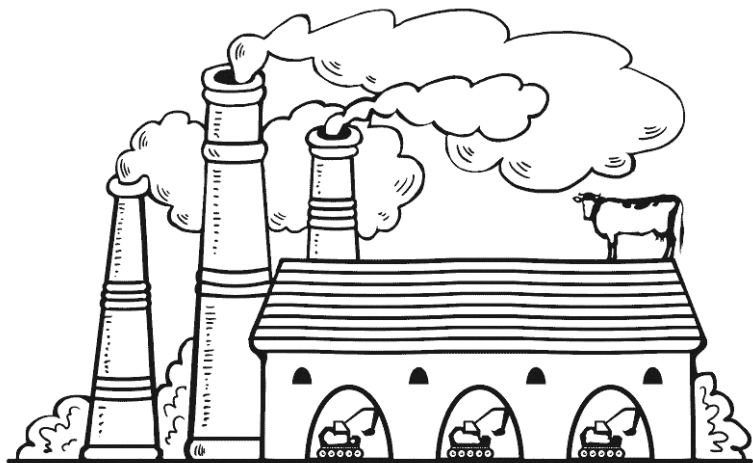
Потом Казань. Зимой. Я никуда ещё не уехал, а уже хочу домашних фрикаделек, дорогая Лариса.

Эти зимние досмотры в аэропортах! Паспорт, билет, шуба, шапка, свитер, штаны, чемодан и компьютер – как всё это удержать в пяти пальцах? Какие изменения? Я видел, как я выгляжу на просвет в этом их рентгене. Одно такое воспоминание наполняет меня невыносимой ностальгией, дорогая Лариса...

Примерно такую речь я хотел сказать жене, чтобы она не скучала. Но она призналась первой, что записалась на теннис и в бассейн. Чтобы нам обоим было весело в разлуке. Мне там, а ей тут, в общественном душе с поджарыми незнакомцами. И теперь, разумеется, я абсолютно ни о чём не волнуюсь.

* * *

В Ростове мнение гостя не важно. Куда важнее закрепить-ся в его памяти. Чтобы он вовек не забыл путешествие. Чтобы вскидывался по ночам с криком «воды!»». Чтобы в род-ную дверь не пролез. И если он уезжает домой своим ходом, значит, гостеприимство было недостаточно русским.

Так вот, дорогой Ростов! Я никогда тебя не забуду!

Я долго летел туда, не выспался. Но организатор Иван Владимирович сказал:

– Ты слишком устал, чтобы спать. (Авторская логика со-хранена.)

И повёз меня на массаж.

Мои трусы в тот день не позволяли массаж. Это какой-то

заговор: надев страшные панталоны, непременно окажешься в бане, на пляже, на подиуме. Надев же плавки, тугие как жгут, проведёшь две недели в шубе, не раздеваясь.

Иван Владимирович спросил, знаю ли я, что такое массаж. Разумеется, знаю. Жена чесала мне спину на двухлетие свадьбы. И по голове гладила однажды, после удара по ней же.

В массажном салоне мягкий свет, музыка, занавески. Настоящий иранский бордель. (Я посещал иранские бордели много раз, мысленно, в восьмом классе.)

Массажист Серёжа завёл в кабинет, сказал деликатно:

– Сейчас я выйду. Когда будете готовы, приоткройте дверь, и я вернусь. И, если хотите, можете надеть наши трусы.

И вышел. И слово «дефлорация» тактично не употребил.

Конечно, я захотел их трусы. Это был прозрачный лепесток на тесёмочках. Женщины надевают такое лепестком вперёд. Я в тот день всё делал, как женщины. Волновался от мужских предложений, стеснялся своего белья. Даже приоткрыл дверь, чтобы кто-то сильный вошёл и поступил со мной грубо. Я не расстроился, когда стал выглядеть в трусах более голым, чем был без них. Просто лёг и расслабил булки. И сразу вошёл Серёжа.

Технически он не сделал ничего выдающегося. Я пережил обычное неземное наслаждение. Лишь когда очередь дошла до жопы, пришлось говорить себе:

– Он меня не любит! Серёжа просто врач, профессионал!

Это не любовь! Молчи, проклятое сердце!

Никогда мой зад не станет прежним. Теперь он требует называть себя владычицей морскою. Вчера под его давлением я ел «цезарь с креветками» не позже, чем за пять часов до сна.

И ещё. Этот ваш секс – говно. Впредь я занимаюсь только массажем.

Также меня пригласили на колхозный рынок, есть руками сметану и творог. Я отказался, потому что сколько можно катиться по наклонной. Всё-таки у меня дети и бессмертная душа.

Из Казани пишут, меня ждёт невероятный отдых. Ниспосли мне Кришна здоровья, я *щитаю*.

* * *

Я буду выступать в ночном клубе! Возможно даже, мне

прострелят ногу!

Я знаю правила поведения в клубах. Сначала нужно рассказать бармену свою жизнь. Он будет тереть стакан, отвечать фразами из фильмов и называть меня «детка».

– Жизнь есть жизнь, детка.

– Такова любовь, детка.

– Картофельное пюре триста рублей, детка.

Потом он скажет: «Хватит пить! Мы эту чёртову воду оплачиваем по счётчику!»

Возможно, вместо обычного помидора в меня бросят трубы. Надеюсь, что женские. Надеюсь также, в них не завернут кирпич для улучшения траектории.

Клуб – это новый творческий горизонт. Наконец-то я приму участие в перестрелке. Кто-нибудь потрётся об меня круглой попой. Доверчивая медсестра в чулках обернётся поутру так называемой шалавой. А всё Пашечка Фахртдинов.

Когда он сказал, что нашёл нам зал для концерта, я подумал:

– Библиотека!

Ещё подумал:

– Круглосуточный книжный магазин, ну надо же!

А надо было думать:

– Разврат и похоть, наконец-то!

* * *

Самолёт летел в Казань. В соседнем кресле татарский па-паша очень добросовестно тряс младенца, баюкал, укачивал, приговаривал «чу-чу-чу, чу-чу-чу». Лишь бы дитё не мешало пассажирам. Соседние кресла раскачивались вместе с па-пашей. В результате отлично выпались и я, и младенец, и вообще весь наш уголок.

В Казани живут основательные люди. Все дороги разгладили, фасады оштукатурили. Всякого гостя там кормят сладостями, куда гость не научается выделять сироп через кожу.

В Татарстане мгновенно отличают, кто хороший гость, а кто сволочь. Хороший, наплевав на диабет, пробует чак-чак при всяком удобном случае. А сволочь в какой-то момент начинает отказываться. То же и с водкой. Невозможно доказать будучи трезвым, что ты психически здоров и не китайский шпион. Зато, если, пытаюсь встать, ты упал, стянул скатерть и перебил посуду – ты гражданин, семьянин и воин.

А еда? Помните сказку «Гуси-лебеди»? Речка, печка и яблонька считали: кто не ест – тот плохая Алёнушка. Так вот это не сказка, а татарская быль. В полной версии не упомянута ещё экскурсия по зимней Казани.

С татарскими экскурсоводами прекрасен любой сарай. Пылкое воображение дорисовывает маковки и колоннады. В снежной степи вырастает призрачный город. Стены из восторга, шпили из восхищения. Два часа на морозе – и экскурсанты готовы сигануть с башни вслед за прекрасной Сююмбике. Из солидарности и чтобы согреться.

В Париже туристов водят во чрево Парижа. В Казани официального чрева нет, меня повели в музей. Познакомили с профессором консерватории. Он потребовал ответить: чем для истории стал хорошо темперированный клавир. Сказал, что я обязан знать. Прижал к стене. Я ощущал себя вполне во чреве и искал глазами выход. Татарский профессор во хме-

лю даст фору парижским гопникам, знаете ли.

Моя жена – наполовину татарка. И эта половина затмевает все прочие части. По уголовным меркам она умеренно ревнива. Это значит, если ей что-то привидится, шансы выжить у меня всё-таки есть.

Также она чемпион по сочинению сюжетов. Особенно она не доверяет самолётам. Считает, у какой-нибудь хищницы непременно застрянет чемодан в проходе. И это будет ловушка. Я полезу помогать. Хищница скажет медовым голосом:

- Вы так мужественны.
- Бросьте, пустяки.
- Тогда можете тащить и дальше.
- Вы так добры.
- Вы бы изумились моей доброте, если бы узнали меня поближе!

Потом мы с хищницей возьмём одно такси на двоих. Случайно встретимся в ресторане. Через три дня я пошлю домой трусливое СМС о том, что судьба полна сюрпризов.

Сочинив себе трагедию, моя татарская жена готовится к разводу. Она всё делает основательно, с душой. Решает, кто где будет жить. Составляет список утех, на которые не находила времени, пока тратила молодость на меня. Она намечает ряд пробных развлечений. Бассейн, лекции о Тарковском, живопись, лыжи, курсы виноделов.

И вот я возвращаюсь, — а меня уже никто не встречает! Ей некогда! У жены йога и школа экстремального вождения с каким-то Костей.

Одинокó трясясь в такси, я мучительно вспоминаю, чем таким довёл нашу жизнь до лекций о Тарковском.

Я рассказал жене про её Родину. Про чак-чак, про Сююмбике, показал фото с концерта. В круговерти моих гастролей не осталось ни просвета, ни малой щёлочки для аморальных женщин.

— Где, где в моей истории порочные чемоданы? — кричал я жене. Но она не слышит. У неё бассейн по расписанию. Она проплывёт двадцать километров в прохладной воде и простит мне свои фантазии. И снова примется растить из меня толстого, воспитанного писателя. Татарская основательность у неё в крови.

* * *

Самое трудное в экскурсии – объяснить, почему ты её не хочешь. Первые три тысячи экскурсий как-то ещё нравятся. Потом башни и красавицы сливаются в одну историю о том, как она ему не дала.

В начале экскурсии очень удобно иметь сломанную ногу. Мы даже хотели завести съёмный гипс.

«Я бы с радостью, но вы же видите», – можно сказать, размахивая переломом.

Мы пошли в башню, где жила красавица.

В Германии за каждым углом есть пустая башня из-под красавицы. В средние века целая их банда опутала страну. Путник вынужден был решать шарады, вычерпывать озёра и убивать какое-нибудь сказочное животное. За всё это полагался поцелуй. Так себе расценки. Я крайне благодарен резиновым японским женщинам, обрушившим этот пузырь на рынке поцелуев.

Мы пёрлись по лесу, потом в гору, потом на башню. Экскурсовод Женя рассказал предание:

Однажды в башню пришёл мужчина. Красавица предложила выбрать: деньги – или чудесный тюльпан? Путник выбрал деньги. Хозяйка проводила гостя до дверей и на прощание сказала, что тот глубоко ошибся, надо было выбрать тюльпан.

Женя замолчал, потому что история закончилась.

Я спросил деликатно: «Ну и чё?»

Женя ответил: если бы в экскурсии участвовали женщины, я бы сейчас подавился своим вопросом. Немного подумав, он признал, что и сам бы выбрал деньги.

Тут уж вся экскурсия, все три мужика, согласились – лезть на такую высоту ради тюльпана может только идиот. То ли дело мы, пришедшие сюда ради бесплатного входа по понедельникам.

У нас в Латвии тоже была одна красавица. Она сидела на болоте. (Все наши башни захвачены правительством, для инцестов разного рода остаются трясины и сирень.)

Предание гласит, что много влюблённых идиотов утонуло в поисках любви. И тут есть нестыковка. Судя по числу идиотов сейчас, они или тонут не до конца, или откладывают икру перед смертью, как лососи.

Сейчас в то болото водят туристов. Умные туристы восхищаются тонким очарованием пейзажа. Глупые срываются с деревянного настила в трясины.

Возвращаемся в Германию, в город Карлсруе, к прекрасному Жене. Он сказал:

– Больше у нас ничего не происходит. Скучная земля. Есть ещё один рассказ, но это так, под пиво.

Плыли однажды охотники по озеру. (Женя показал рукой в сторону озера.) Видят – лось плывёт. Догнали, набросили верёвку на рога. Другой конец привязали к лодке. Думают,

у берега мы его (лося) грохнем. Чтобы не буксировать с середины озера. Вёсла отложили, достали ружья. Едут, наслаждаются охотой.

Лось – нет бы медленно выйти на берег и помолиться – достал копытами до дна и рванул. Два охотника выпали в воду, третий вцепился в борта и полетел навстречу неизвестности.

Жёны охотников ждали у костра на берегу. Они признали охоту интересным развлечением, когда увидели лодку, запряжённую лосём. Вся конструкция, матерясь и топая, убежала в лес довольно далеко. В конце концов врезалась в дерево, благодаря чему охотник ещё и полетал немного. Лось оторвался и убежал. Теперь у него водобоязнь. Вот такая вот обыденная история.

Тут я обнял Женю и поблагодарил от имени мировой литературы. И побежал записывать этот наш отчёт о поездке. Наконец-то есть что рассказать.

P. S. Как выяснилось позже, история с лосем происходила во всех уголках земли. И там и сям лоси бегают по лесу с лодкой и охотниками в ней. Думаю, это от общего обилия лосей. Их на свете даже больше, чем принцесс. Но ни я, ни Женя этого не знали.

* * *

Мы с Ромой Ланкиным отправились в длительную гастроль. Второй месяц колесим по Европе.

Питаемся на самых дорогих заправках, ночуем у добрых людей. В Кёльне пришлось подраться за кровать с незнакомой кошкой. Она меня укусила, я укусил её в ответ. Поостережётся впредь вставать между писателем и его диваном.

В Гамбурге подошёл человек, позвал на ужин в молитвенный дом. Теперь я адвентист, кажется. Сменил веру за суп из тыквы, но перестарался. Добрый человек оказался сантехником, атеистом, живёт при церкви, ночует в котельной. Хотел поужинать с другими атеистами. Я же, в надежде на чай и сласти, выдал такую проповедь, что самовар замироточил. Осудил баптистов, мормонов и прочую не адвентист-

скую шелупонь.

В Аугсбурге мы пели в детском саду, в младшей группе, на фоне крепости из лего. Собрались бабушки, заказали «Конфетки-бараночки» и «Боже царя храни». В середине концерта из крепости выпал ребёнок. То ли его родители забыли забрать, то ли он левый эсер. Бабушки не смогли определить по одежде, а русского языка ребёнок не понимал.

Хозяйка кафе в Антверпене приняла нас за китайских цыган. Зря я разговаривал с ней по-польски. Велела собирать мне деньги в шляпу, пока Рома поёт песню про инвалидов. Сказала, у меня достаточно жалкий вид, мне должны хорошо накидать. Не будь я китайский цыган, если не сбегу вместе с выручкой. Выкраду, так сказать, вместе со шляпой.

В Льеже, по слухам, одна девочка играет на контрабасе ногами. Нам непременно нужна такая участница в коллектив. Для истерик и воровства продуктов крупнее мандарина. Потому что хочется уже какого-то развития.

Рома согласен только на красивую контрабасистку. Не понимаю, откуда такие капризы у человека, второй месяц живущего в «тойоте». И пахнущего автомобильным ароматизатором «ёлочка-лимон». Удивительный романтик.

* * *

Таксист в Минске рассказал. Вызвали его куда-то за город. «Убер» тогда только появился. Приезжает, а там свадьба в ресторане. Все подъезды забиты. Сотни машин. Люди садятся, но тут же выскакивают. Все орут, пьяные, нарядные, весело. И никто никуда не едет.

Оказалось: тамада заказала такси для всех гостей. Она освоила программу заказа.

Гости тоже освоили программу. И каждый вызвал такси для себя и ещё для ближайшего родственника.

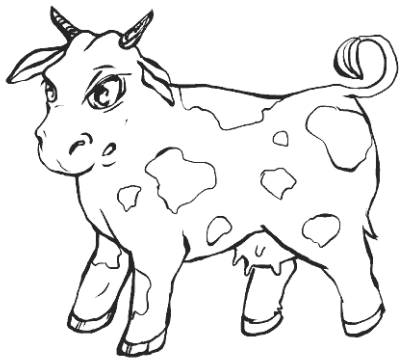
И вот, на двести гостей триста машин. Тамада запретила уезжать, пока лично не пересчитает всех в упакованном виде. И побежала пересчитывать. А поскольку Беларусь есть страна тотальной взаимопомощи, гости тоже побежали пересчитывать. Орали: Коля, Коля, где ты? А Люба?

Бегали долго, потом сообразили – выстроились у шлагбаума. Каждая пара занимала одну машину, расписывалась в ведомости и только потом уезжала без права вернуться.

Вот так просто и неформально в Беларуси заканчиваются свадьбы.

Покуда помогать другим интересней, чем себе – мы капитализм не построим! – сказал мне таксист вместо сдачи. С каким-то удовлетворением сказал.

* * *

Из дачных растений я культивирую живот и подбородки. Также мне нравятся птички, книжки и мангал. И женщины в шортах на велосипеде.

Мой сосед – другое дело. Он аграрный наркоман. С утра рассыпает навоз по участку. Аромат плывёт над домами. Сирень пахнет соседом, и шашлык, и птицы в небе.

Я спросил, не слезятся ли у соседа глаза? Нет, не слезятся. Букет метана, иприта и фосгена он считает запахом успеха. Говорит, навоз основа жизни, все мы из него вышли и в него вернёмся.

Я не считаю, что вырос из навоза. И это моё принципиальное отличие от смородины.

Но сосед не стал спорить, рассказал притчу. Хоть я и не просил.

В один отстающий регион прислали нового руководителя, генерала, способного приказом менять климат и яйценоскость во всём районе. Движением брови этот человек изгонял камни с полей и вызывал дождь.

Генерал вспомнил, в этом же районе родился его товарищ, погибший на учениях. И вызвал к себе мать товарища, некую Иванову. Пожал руку. Говорит, выбирай награду.

Хочешь орден? Или назовём именем сына абстрактный полк?

Мать говорит: пришлите лучше тонну навоза. Я сама просила, но директор коровника – жадная сволочь. Всё дерьмо себе захапал.

Генерал сказал: хоть семь тонн! За такого сына ничего не жаль!

Иванова не верила в доброе правительство, и правильно. Генерал мгновенно отвлёкся на управление геологией и климатом. Вспомнил про обещание только через год. Устыдился и лично позвонил куда надо.

– Сколько прислать? – уточнил коровник.

– Семьдесят тонн, – ответил генерал. – Доставить и разровнять по указанному адресу!

И повесил трубку. Он помнил: в обещании была семёрка и тонны. Если бы навоз измеряли в личном составе и вооружении, он бы указал точнее, конечно. Три танковых дивизии навоза, например.

Коровник тут же перезванивает, говорит:

– Ваше величество, семьдесят тонн – это очень много.

– Расстреляю, – отвечает генерал. И снова бросает трубку. Бесстрашный коровник опять перезванивает.

– Целуем ваши ноги, – говорят, – но у нас столько и нету.

Генерал не выносил коровьих бунтов. С таким подходом Америку не освободить. Он потребовал сесть и выполнить приказ. Привлечь коммунистов, пионеров. Всё равно это придётся сделать. Или здесь, или в Сибири.

Коровник не хотел никуда переезжать. Поднатужился – и вот уже колонна грузовиков направляется к Ивановой.

Первый грузовик вызвал радость.

Второй – неловкость перед соседями.

Пятый грузовик Иванова останавливала грудью. Еле оттащили. Сказали – не мешай выполнять волю народа, мать.

Иванова плюнула, ушла в лес и там до вечера собирала грибы. А когда вернулась, не смогла сдержать слёз при виде родного дома.

Закончилось всё хорошо. Соседи растащили удобрение меньше чем за семь ночей. Генерал повторно приглашал к себе. Спрашивал, чем ещё помочь. Иванова отвечала – нет-нет-нет. Кто она такая, чтобы отвлекать на себя ресурсы всей страны. Ещё первый подарок не забылся, пауза нужна. И никогда больше эта женщина не жаловалась на урожай. Принципиально.

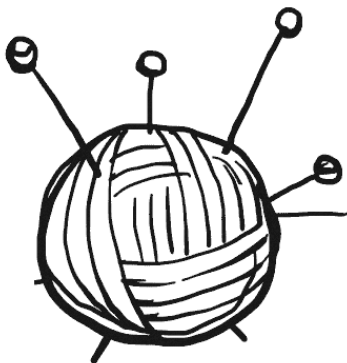
Думаю, это хорошая притча. Несмотря на мутный финал.

Сам я в деревне сплю, ем и мёрзну, в основном. И слежу за

водоснабжением. У меня там три крана, бойлер, четыре манометра, гидрофоры всякие, насосы. Выглядит как машинное отделение ледокола. Потому что я сантехник.

Жена моя Лариса выращивает цветы и раскладывает камни по участку. Она дизайнер.

И только овчарка Паркер бегает и удобряет всё подряд. Он среди нас единственный крестьянин, кажется.

* * *

Дочь Мария на себе изучает устройство любви. Застал её в восемь утра, в прихожей, в красных трусах, рыдающей

сквозь макияж. Говорит:

– Сейчас пойду, верну ему ключи от его квартиры.

Обычно ключи от квартиры дают, чтобы кто-то поливал цветы. Но Маша и дома-то цветов не поливала. Интересно, на что рассчитывал хозяин ключей?

Я тоже был молод, мне самому возвращали ключи. Метким броском, полным горечи. Самый большой ключ был от гаража, но я всем говорил, что от старинной крепости. Его отпечаток надолго врезался мне в лоб. Завидев его, друзья говорили вместо «привет» – «о, тебе ключи вернули!».

Я спросил, что это за мода, отдавать ключи в трусах. Маша сказала, это не трусы, а «шорты для бега». Всё равно многовато голых ног. Если бы мне в таком виде возвращали ключи, я бы оторвал себе руки, лишь бы не прикоснуться к связке.

Я запретил себе паниковать. Просто парень оказался ма-няком, или роботом, или умер – в жизни случаются вещи пострашнее. Хуже было бы, если бы он болел за Манчестер.

* * *

Я обзвонил знакомых женщин и задал два абстрактных вопроса. Первый для отвлечения внимания:

Если под кроватью вашего мужчины нашлась расчленённая проститутка и он не знает, как эта дрянь туда попала, – что бы вы сделали?

Второй вопрос по делу:

Абстрактная девушка (18 лет, 167, 57, блонд., полгода в отношениях) рыдает в прихожей, в трусах и в макияже. На что лучше ставить, на развод или на свадьбу?

Маша сказала, что вернётся через десять минут. Но ни через одиннадцать, ни через даже двенадцать не пришла. Я порывался пойти следом, помочь возвращать всё, что обещала. Маша сама ни голову свернуть не умеет, ни топор метнуть как надо. После побоища на вопрос прокурора, откуда эти сожжённые города, я бы ответил прямо – «все отцы в нашей родне так расстаются с любимым парнем».

Лара не пустила меня и отобрала боевые вилки. Она сказала:

– За десять минут ключи вернуть невозможно. Сначала женщина должна высказать свою позицию. Причём так, чтобы он понял несколько сот простых правил любви. Вот четыре из них, навскидку:

1. Астрология – это серьёзная наука.
2. В лифте целоваться надо каждый раз.
3. «Пересолено» и «не вкусно» – совершенно разные понятия.
4. Нельзя кричать, если любовь садится к вам на колени...

Женщина не уйдёт, покуда не объяснит, почему она уходит. Парни похитрей пользуются этим феноменом. Они ста-

рательно не понимают. Просят повторить ещё и ещё. Они перебивают докладчицу, сбивают с мысли, отвлекаются на котят и радугу. Женщины и сами так делают, когда не хотят понять устройство судового дизеля.

В тот день Маша домой не вернулась. Прислала СМС – «помирились!».

Оказалось вот что:

Они хотели вместе побегать с утра. (В спортивном смысле.) Но не договорились, где и во сколько встретиться. И ещё, Маша не взяла с собой телефон. Поискав друг друга в разных местах в разное время, каждый пошёл домой.

А теперь следите за пальцем.

Сначала он звонил, но Маша не брала, потому что телефон остался в коридоре.

Потом Маша звонила, но он был в душе.

Тогда Маша обиделась и перестала брать трубку.

А когда через 16 (шестнадцать) минут обида прошла, он уже сам обиделся и не брал трубку целый час.

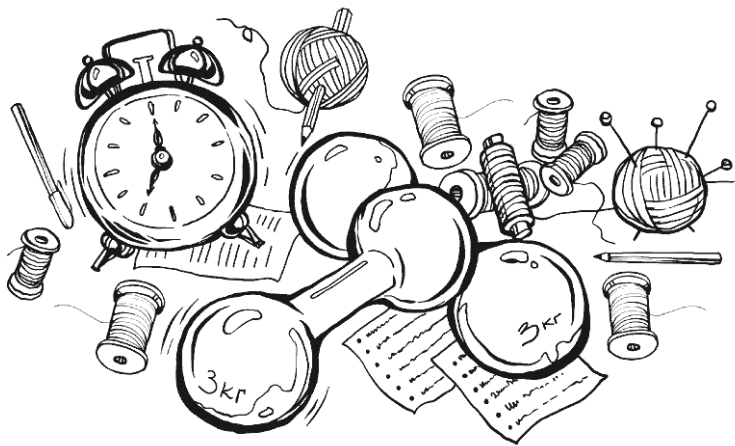
И конечно, жить с человеком, который не отвечает на звонки любимой женщины, нет никакого смысла. Тут-то Маша и решила вернуть ключи. Но получила только два новых засоса. Вот так чьё-то неумение запоминать важные детали делает седым даже лысого отца.

Я всё важное теперь записываю на бумаге.

Например:

Никогда, никогда не соединять в одном предложении слова «кто съел мои эклеры», «дорогая жена» и «посмотри на весы».

* * *

Мы с Лёней ехали всю ночь. В пути говорили о душевных ранах, нанесённых нам женщинами. Это приятная тема. Пока все обиды не перечислишь – не уснёшь.

В пять утра приехали в НН. Выгружая вещи, Лёня дал мне ключ от машины. ПОДЕРЖАТЬ. И я этот ключ ПОЛОЖИЛ В КАРМАН. Тут-то наше путешествие и стало интересным.

Через час Лёня не мог вспомнить, куда дел ключ. Спросил, не видел ли я его. Нет, я не видел. Может, выронил, говорю?

Пошли искать вместе, потому что мы друзья. Прочесали всё от машины до подъезда. Заглянули под каждый листочек, под каждую битую стекляшку. Ползали под нашей машиной и под соседними. Мы светили фонариком в шахту лифта. Мы прощупали самого Лёню и все его вещи. Ключа не было. А запасной остался в Минске.

Хозяева дома, где мы ночевали, вышли помогать. Они тоже заглянули под каждый листочек. Смотрели зеркальцем в ливневую канализацию, просветили шахту лифта полицейским прожектором, заглянули Лёне в уши и перебрали содержимое помойного ведра. Ключ пропал.

Тогда бабушка хозяев, 82 года, сказала, мы просто не умеем искать. Она лично осмотрела все листья во всех кустах. Проверила дупла и гнёзда. Опросила подруг-старушек, заставила их вывернуть карманы. Она процедила шахту лифта специальной проволокой. Приказала Лёне прыгать, а всем – слушать. Потом велела трясти Лёню вверх ногами над газеткой. Сказала что шутит, только когда Лёню уже несколько раз уронили.

Закрыть ключ в салоне невозможно. Но мы всё равно вызвали взломщика. Он открыл машину. Не нашли. Взломщик закрыл машину. Потом снова открыл, потому что документы остались на сиденье. Затем снова закрыл.

Тут Лёня признался, что у него в кармане маленькая дырка.

Все, включая бабушку, спросили у Лёни, как можно быть таким растяпой? Лёня сам удивился. Раньше он ключей не терял. Его слушали с иронической усмешкой.

По району расклеили объявления. Бабушку усадили смотреть передачу «стол находок Нижний Новгород». Это самая скучная передача в мире. Бабушка пальцами удерживала веки, чтобы не заснуть.

Приехал монтёр лифтов. Все мы, бабушка тоже, спустились в шахту, потому что градус взаимного недоверия вырос.

На вечернем концерте я рассказал о потере ключа. Нас тут же познакомили с лучшими инженерами этого города, со слесарями, угонщиками, с дилером и волшебным токарем, способным из простой рельсы выточить новейшую «ладу-куниллингус».

Вечером того же дня Лёня вылетел в Москву. Он до утра сидел в Шереметьево, питаясь бутербродами. В 6:30 на Белорусском вокзале Лёня получил запасной ключ. Проводница из Минска взяла за услугу 20 \$. В 12:00 на Казанском вокзале Лёня сел в поезд «Ласточка» и приехал обратно. Он радовался тому, сколько дел успел за сутки.

Мы тут же выехали в Казань. Лёня слегка устал, но всё равно был доволен и нашим путешествием, и моими добрыми шутками о том, какой он растеряха, недотёпа, раззява, шляпа, кисель, ворона, ротозей, удмурт, тетеря, рукосуй, ку-

лёма, лошпен, фетюй и недотыка.

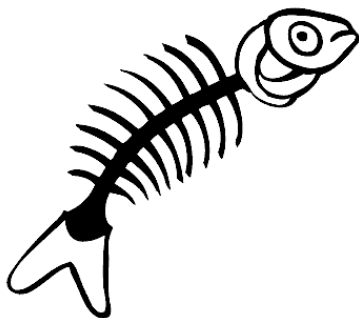
В Казани было прохладно. Я надел куртку и нашёл в кармане ключ. Хотел сразу побежать и утопиться, но подумал: а вдруг Лёня захочет сам меня утопить, предварительно побив о твёрдую берёзу? Что я за друг, если не представлю ему такой возможности?

Я принёс ему находку. Он не спал уже третьи сутки. Увидев ключ, сказал только:

– «Ага. Нормально».

И упал, и заснул.

Удивительно всё-таки безэмоциональные попутчики встречаются на дорогах нашей жизни.

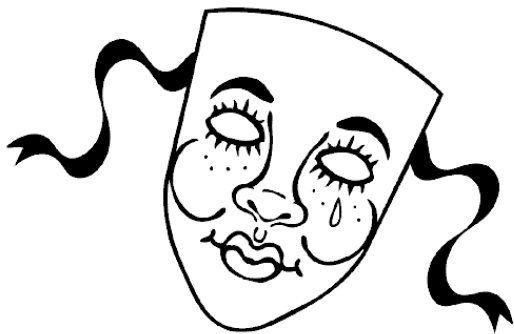
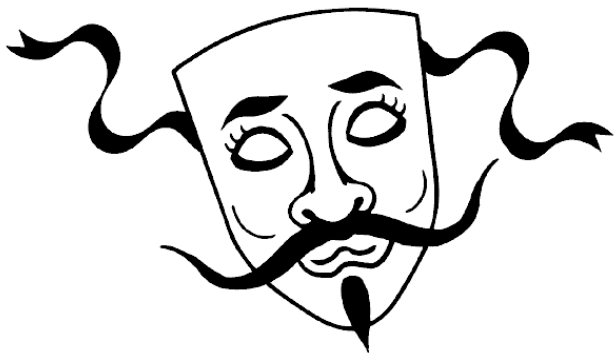
Разводы

Айгюль распахнула двери. Вошли двое мужчин и женщина. Первый мужчина постарше, второй моложе. Женщина красивая. Такие к сорока годам только расцветают, переходя

из хорошеньких в разряд желанных.

Помещение для семинара выбрали дорогое. Авторский интерьер, китайские вазы, на стене картина – три разноцветных полосы в квадратной раме. Экспрессивный абстракционизм. Намёк на новейшие психотехники. Тут же живые цветы, признак человечности.

В углу, за ширмой, спрятана кухня-шкаф. Там чайник, чашки, печенье. В центре зала низкий стол, на него могли бы садиться небольшие самолёты. Повсюду листы с каким-то текстом, на столе графин с водой и нож с широким лезвием. И стулья, стулья, стулья. Все разные, ни одного одинакового. Это сама Айгюль придумала, чтобы подчеркнуть уни-

кальность каждого человека. Всё. Больше описывать нечего.

Нет, есть важная деталь: в углу, в отдельном кресле полулежал важный господин. Его следовало отнести скорей к мебели, чем к действующим лицам. Господин кивнул благожелательно. И всё.

* * *

– Добро пожаловать – сказала Айгюль клиентам. – Проходите. Рассаживайтесь. На вид это обычная комната. Но уверяю вас, никто не выйдет отсюда прежним!

– Буду рад, если кого-нибудь вынесут отсюда вперёд ногами, – сказал мужчина постарше и зло посмотрел на молодого.

– Да. Было бы здорово, – сказал молодой и усмехнулся.

Который постарше был лыс и синеглаз. Одет в «просто костюм», который описать невозможно, только пальцами шевелишь от бессилия.

Молодой был смугл, высок и одет как художник. Всё на нём было разноцветное и развевающееся. Глаза его горели чёрным огнём, а нос заслуживал самых ярких эпитетов. Горбатый, просторный. Такие называют «румпель», «шнобель», «парус» и непременно упоминают в полицейских ориентировках. Мужчины сели как можно дальше друг от друга.

Женщина выбрала стул ровно в центре зала.

– На наших занятиях обычно на каждого мужчину приходится женщина, – сказала Айгюль. – А вы какие-то не парные. Смею предположить, что кто-то четвёртый не успел на краситься?

Женщина покачала головой:

– У нас нестандартная ситуация. Дело в том, что...

– Нет-нет. Подождём других участников. Я предчувствую потрясающую историю.

– Сами поверить не можем. Правда, мальчики?

* * *

Мужчина постарше фыркнул. Молодой поправил причёску. Женщина отвлеклась, увидев картину.

– Ах, какое чудо! – сказала она.

И подошла, и протянула руку. Застрекотала сигнализация, громко и противно, стараясь разрушить мозг похитителя. Женщина отпрыгнула. Сигнализация заткнулась.

– Это Марк Ротко, – сказала Айгюль.

– Настоящий?

– Разумеется.

– Как называется?

– «Каток переехал старушку», – встрял лысый. Ему тут всё не нравилось.

– «Красный, белый и лиловый», – мягко сказала Айгюль. Она знала, каким голосом следует разговаривать с недовольными людьми.

– Молдавских маляров за такое гонят в три шеи. Но поскольку рисовал еврей, то сразу произведение искусства, – сказал лысый.

– Не обращайтесь внимания, – сказал носатый. – Наш Гоша дикарь. Не смог с утра добыть огонь, завтракал сырым ентом, теперь у него несварение.

Лысый встал и сделал шаг в сторону носатого. Вся его поза дышала отвагой. Молодой соперник не испугался, тоже встал и упёр руки в боки. И посмотрел на лысого сверху вниз. И снова усмехнулся. Он знал, что выглядит красивым, когда усмехается. Тут в дверь позвонили, Айгюль побежала открывать.

– Немедленно прекратите меня позорить! Вы оба! – зашипела женщина.

– Это я тебя позорю? Я? – удивился Лысый. – Да кто угодно сбежал бы из этого содома! В мире нет второго мужчины, готового терпеть такой срам! Из-за тебя я стал посмешищем! Я самый нелепый муж в городе!

Он сел на место, и носатый тоже сел. Каждый был уверен, что победил бы, просто на людях не хотел скандала.

Вернулась Айгюль, за ней вошёл ещё один мужчина. Он

был очень некрасив. Все другие его качества меркнут перед этим, главным. Некрасивый нёс перед собой манекен выше себя ростом, пластмассовую женщину – худые ноги, лицо японки. Вошедший осторожно посадил куклу на стул, поправил одежду, волосы и что-то прошептал на ухо, как будто манекен мог слышать. Потом обратился ко всем:

– Добрый день! Надеюсь, мы не опоздали?

– Смотри, и тут тебя обскакали, – сказал носатый лысому. Этот чудак с пластмассовой бабой намного нелепее тебя!

Тут же в зал вошли ещё двое, молодая пара. Оба стеснялись и себя, и самого своего смущения, и старались поэтому выглядеть дерзко и развязно.

– Это здесь нас будут мирить? – спросил парень. – Мне сказали, семинар ведёт женщина?

– Семинар веду я. Меня зовут Айгюль.

– Ух ты! Ожидается интересный вечер!

– За это я ручаюсь.

– У вас есть какие-нибудь плётки? Дыба? Сверло для бурения подсознания? Я так просто от своих убеждений не отрекусь!

– Любите боль? Могу сломать вам руку!

– А вы умеете подойти к мужчине!

Девушка тоньше чувствовала грань, за которой раскрепощённость становится хамством. Она тоже зашипела на сво-

его парня:

– Сядь, недоумок! Вы его извините, в эмоциональном смысле он ещё ребёнок.

– Это я ребёнок!? Да я ровесник Тутанхамона!

– Ты ненормальный!

– Душа моя! Меня надо хранить в палате мер и весов между метром и килограммом. С биркой «эталон нормальности».

Тогда девушка встала и отвесила парню оплеуху, спокойно и деловито, как другие чай заваривают.

– Сел, я сказала!

– Да, любовь моя, – ответил нахал, мгновенно превратившись в зайчика. Потупил глазки, сдвинул ножки и уселся на ближайший стул. Лысый подскочил, зажестикულიровал.

– Простите, мы не представлены, но умоляю, не останавливайтесь! – сказал он девушке. А потом, наклонившись к своей женщине, добавил так, чтобы слышали все: – Не знаю, сколько стоит этот семинар, но каждая копейка тут оправдана!

Женщина поморщилась и обратилась к ведущей:

– Вот, кстати. Почему так дорого? В нашем случае, мне кажется, была бы уместна хорошая скидка.

– За что же скидка? Вы не похожи на ветеранов войны с Наполеоном.

– Видите ли, у нас всё очень, очень оригинально. После

работы с нами вы сможете выступать на конгрессах и симпозиумах с большим успехом.

– Уверена, здесь каждый человек уникален и очень интересен. Вот смотрите.

С этими словами Айгюль подошла к получившему по морде парню и врезала ему по другой щеке, тоже с размаху. И спросила строго:

– Я правильно говорю?

– Да, моя госпожа! – ответил побитый.

– Вот видите! Некоторые персонажи много интересней, чем Дю Солей!

– Я бы попросила! – обиделась девушка. Ей не нравилось, когда кто-то другой хлещет её парня и называет это цирком.

– Простите, дорогая, исключительно для примера.

– И я! Можно я тоже ему врежу? – обрадовался лысый.

– А вы готовы жениться и содержать этого мужчину, пока смерть или нотариус не разлучат вас? – спросила Айгюль.

– Какого хрена? Нет, конечно!

– Тогда сидите смирно. Эта черешня цветёт не для вас.

Тут некрасивый мужчина обнял свой манекен и сказал, обращаясь ко всем:

– А вот мы совершенно нормальные. Наш случай банален и скучен. Правда, дорогая? – обратился он к кукле.

Лысый и тут встрял. Он сам себе казался остроумным.

– Тоже пришли разводиться? Подождите, сам догада-

юсь... Вы не сошлись характерами?

– Это очевидно! Мы такие разные! Я – простой русский парень, а она – японская аристократка. Мы встретились в Токио! Я поехал в командировку...

Айгюль прервала и этот рассказ:

– Стоп! Сначала представимся. Меня зовут Айгюль Зарипова. Я доктор психологии. Автор уникального метода групповой психотерапии, известного как «метод Мендельсона». Но для вас я скорее коучер, чем психолог. Это значит, никаких заумных терминов не будет, ноль закрученных теорий. Мы просто поговорим.

Лысый возмутился.

– Мне бы хотелось надеяться на какой-то результат. Поговорить я могу и дома, с попугаем. Он прекрасный слушатель.

– После разговоров по моему методу большинство пар отменяют развод и живут дальше.

– А если всё-таки разводятся?

– Тогда я возвращаю половину стоимости занятий.

– Отлично! – обрадовалась женщина лысого и носатого. – Хотя бы половину денег мы вернём!

– Желаю удачи. Обстановка у нас неформальная. Там, в углу, чай и кофе. Наша задача не просто не поубивать друг друга, но и понять, что все мы счастливы здесь и сейчас. Нужно только осознать это.

– Возврат денег зависит от срока? Вдруг мы разведёмся

через год? На какой пробег гарантия? – уточнила жадная женщина.

– Без ограничений. Среди других коучеров я – «роллс-ройс».

– И часто приходится возвращать?

– Один случай на девяносто пять пар. В связи с чем хочу спросить, нет ли среди вас алкоголиков, наркоманов или психопатов?

Все помотали головами отрицательно, но покосились друг на друга.

– То есть, все вы – абсолютно нормальные люди?

Теперь все кивнули и вместе посмотрели на некрасивого мужчину, кивающего головой манекена.

– Прелестно! Тогда приступим! Сначала хочу рассказать вам про эту штуку. Это ритуальный нож племени Навахо. Кто хочет развестись, должен отрезать прядь волос.

– С кого? – спросила жена двух мужей.

– С себя.

– Не логично. Допустим, я хочу развестись, а он не хочет. Тогда я беру ритуальный нож племени Навахо, делаю несколько широких взмахов (женщина сделала несколько опасных движений) – и всё, он уже хочет разводиться.

- Нет. Этот инструмент не для насилия. Нужно отрезать свою прядь в знак того, что решение твёрдое и обдуманное.
- Я бы предпочла всё-таки не у себя. И не прядь. Твёрдо и обдуманно предпочла бы.
- Вот поэтому мы будем резать только по моей команде. А теперь расскажите о себе. Как вас зовут?

* * *

Красивая женщина ответила за всю семью.

- Меня зовут Анна. Это Гоша, мой муж. (Показала на лысого.) Это Винсент. Тоже мой муж. (Показала на носатого.) И мы хотим развестись.
 - Мы – это кто из вас? С кем именно разводитесь?
 - Ну вот... – Анна неопределённо обвела рукой себя и мужчин.
 - Простите, не поняла. Ткните пальцем.
 - Я ещё не решила, если честно.
 - Интересно. Можно сомневаться в том, за кого выходить!
- Но с кем разводиться, обычно люди знают.
- То-то и оно, что у нас НЕ обычно. Они оба мои мужья.
 - Ну да. Это же так очевидно! И вы хотите сократить число мужей до одного?
 - Да.
 - И не знаете, кого выгнать?
 - Не знаю.

– Эка вас накрыло, – сказала Айгюль после некоторых размышлений. – Я стараюсь склонить к сохранению семьи обычно. Но вас надо уговорить жить втроём. Это как-то неловко. Вы, кстати, живёте вместе?

Мужчины сменили позы – с гордо-обиженных на ещё более гордые и обиженные. Анна горестно пожала плечами.

– Понятно. В небольшой квартире, видимо.

Анна пожала плечами ещё раз. Ведущая захотела как-то поддержать женщину.

– С одной стороны, это удобно!

– Это правда. Например, ремонт мы сделали быстро. Мальчики мусор выносят наперегонки. Чуть не дерутся за ведро.

– То есть, каждый старается быть для вас лучшим мужем?

– Грех жаловаться.

– И попыток убийства не было?

– Ну, такое...

– Понимаю. Кто первый затеет драку, тот грубиян и агрес-

сор?

Анна кивнула.

– Даже не знаю. И что же вам не нравится?

– Не по-людски как-то.

– И вы готовы развестись с кем-нибудь одним?

– А что делать?

– А они не хотят? Простите, мужчина, я забыла, как вас зовут?

– Георгий. Можно Гоша.

– Вы не хотите оставить Анну?

– Почему я? Мы живём в моей квартире! Она моя жена!

Я первый на ней женился!

– Звучит разумно. Немножко по-риелторски только. А вы что скажете?

У носатого был лёгкий акцент и хрипотца. Аргументы южного человека относились скорее к эмоциональной сфере, чем к логической.

– Причём здесь первый или второй? – возмутился он. – Я люблю Анну! Она любит меня! Мы созданы друг для друга!

– Не знаю, что возразить. И по очереди жить с Анной вы тоже не хотите?

Оба мужчины снова фыркнули. Вмешалась молодая девушка из второй пары:

– Простите, что встречаю, но кто из вас действующий муж по документам?

– В том-то и дело, что оба!

Гоша почти выкрикнул эти слова.

– Это как?

– Вы у неё спросите!

Айгюль не дала перехватить инициативу. Взглядом показала девице, кто тут главный. И сама спросила:

– Анна, расскажите! Многие хотели бы себе двух любящих, официальных мужей. Мне самой иногда снится, что я в вашем положении. И это очень, очень приятные сны. Но такое счастье не очень просто устроить, закон сопротивляется. Давно вы с Гошей?

– 20 лет. У нас трое детей. Пять лет назад мы пытались развестись.

– Такой шанс упустили! Сейчас бы отдыхали на море, каждый с новым прекрасным супругом. А тогда что было? Что случилось?

– У Гоши случилась новая секретарь, блондинка, с вот такими сиськами. Обычная шлюха.

– Алё, я бы попросила! – возмутилась девица, весомо качнув грудью.

– А вот если бы ты сейчас промолчала, никто бы не заметил, – сказал её спутник, любящий боль.

– Да она сама на меня запрыгнула! – разозлился Гоша. – Я был без сознания практически!

Присутствующие многозначительно улыгнулись, девица хихикнула. Следующий диалог наверняка повторялся многократно. Участники знали свои реплики:

– Ну да, обычное дело. Сколько раз запрыгнула? – спросила Анна.

– Три.

– Гоша! – сказала Анна с укоризной.

– Или тридцать три! Какая разница! Главное, что я раскаялся. Переосмыслил и попросил прощения. И ты меня простила!

– Я простила уже после того, как ко мне приехал Винсент.

– К нам! Он к нам приехал!

– Почему же вы не довели развод с Гошей до конца? – спросила Айгюль.

– Он не подписывал бумаги.

– Значит, вы хотите с ним развестись? Вопрос решён?

Айгюль протянула Анне ритуальный нож племени Навахо. Анна покосилась, но руки к оружию не протянула.

– Всё не так просто. Гоша очень переменился. Стал заботливым, даже нежным. Он мне ноги моет по вечерам! К тому же он отец моих детей! И отдаёт мне всю зарплату.

– Последний аргумент очень силён. Я бы не устояла. И вы, наверное, по-прежнему его любите?

– Люблю.

– Тогда давайте отправим домой Винсента? Он же вам но-

ги не моет?

– Моет. Они по очереди.

– Ну да. Винсент ещё и красив как паразит. Сколько ему?

Тридцать?

– Двадцать восемь.

– Даже не знаю тогда. Всё такое вкусное.

– Если честно, я бы их обоих оставила. Но они ссорятся как дети, ей-богу. И люди меня осуждают. К тому же Винсент не хочет представляться моим братом.

– Что вы говорите! И почему же?

– Говорит, это первый шаг к поражению.

– Да и не похож он на брата, если честно. Винсент, вы всё молчите. Расскажите о себе. Вы откуда?

– Мой отец египтянин. У меня был небольшой бизнес в Дахабе. И там я встретил Анну. В тот день мир разделился на две части. Первая – там, где она. Вторая – там, где её нет.

– О, как мило! Опишите, кто для вас Анна?

– Моя богиня. Муза. Мой воздух и лунная дорога в ночной пустыне.

– Слушала бы вас и слушала! Думаю, кроме прочего она для вас ещё и жильё, горячая вода и европейское пособие?

– Я готов вернуться в Египет в любой момент. Если она согласится поехать со мной! Мне всё равно, где жить! Я художник. И музыкант. У себя на Родине я достаточно популярен.

– Он аниматор в гостинице! Известен на весь ресторан! –

Гоша не мог смолчать, и никто на его месте не смог бы.

Анна не выдержала, вступилась за мужа № 2:

– Винсент очень интересный человек. Я с ним абсолютно счастлива!

– А с Гошей?

– А с Гошей я чувствую себя защищённой.

– А когда они ссорятся?

– Я говорю им «ша!», и они замолкают.

Услышав слово «ша», оживился побитый парень.

– Вы такая властная! – затрепетал он. – Что вы делаете по вечерам?

– Вот ты кобель! – устало вздохнула девушка побитого.

– Это ещё кто? – озлился Гоша. И посмотрел агрессивно на мазохиста. Меньше всего он хотел уйти с семинара под руку с третьим мужем. Египтянин тоже возбудился. Он вскопчил и затараторил на непонятном наречии, обращаясь к побитому. И показал жестом отрезание головы.

– Ву! Ву! – сказала Айгюль – Потихе, горячие разноцветные парни!

Некрасивый мужчина вдруг отвлёкся от своего манекена и подал голос:

– Простите за бестактность, просто мы тут все уже свои! А как вы спите? Ну, в смысле секса. Сразу вместе, или у вас график?

Анна закатила глаза, Гоша показал средний палец, Вин-

сент привстал как бы для драки, но под тяжестью общего неодобрения сел на место. Участники семинара сами собой разделились на первую тройку и тех, кого эта тройка ненавидит. Некрасивый пояснил:

– Я хочу сказать, что уйти должен самый недовольный. Кто терпеть уже не может и кому меньше Анны достаётся – тот пусть и валит.

Айгюль согласилась.

– Разумно. Скажите, Гоша, за что вы любите Анну?

– Господи! Ну за что можно любить идеальную женщину? Она красива, умна. Она моя жена, в конце концов. К тому же я человек немолодой, а она – врач!

– О боже! Вы врач? У вас есть уколы? – обрадовался побитый. На этот раз Винсент не выдержал. Подлетел к побитому, схватил за ворот и принялся душить. Анна вскочила, молодая девица тоже вскочила, обе заверещали. Гоша полез разнимать, заняв при этом сторону Винсента. Он обнял своего соперника, не позволил махать руками. Зато сам пнул побитого в знак солидарности.

– Педики! Извращенцы! Расплодились! – кричал побитый.

– Ну-ну, – успокаивал Гоша Винсента. – Не обращай внимания на идиотов. Брось. Он не стоит твоей свободы. Он провоцирует тебя на насилие. Он сам извращенец!

– От извращенца слышу! – сердился египтянин. – Держи меня Георгий, не то я ему доставлю такое удовольствие, что

он сменит пол!

Айгюль не реагировала на драку. Даже не привстала. Она была всем довольна и на схватку смотрела с интересом. Ибо какая ж это психология, если никто никого не попытался задушить! Айгюль наклонилась к Анне и сказала интимно:

– Мне кажется, ваше неверие в брак на троих имеет исключительно психологические корни. Если отбросить невротическое морализаторство – всё может сложиться. Мы потом об этом поговорим. А теперь давайте перейдём к следующей паре!

Айгюль повернулась к побитому и его девице, они были следующими по часовой стрелке. Но вдруг, махнув рукой, обратилась к некрасивому мужчине с куклой.

– Хотя нет, ну их в болото! – сказала Айгюль. – Перейдём сразу к вам! Иначе я лопну от любопытства! Расскажите скорей, кем вам приходится эта пластмассовая баба! И зачем вы её припёрли?

Некрасивый заговорил:

– Здравствуйте. Меня зовут Евгений.

– Здравствуйте, Евгений! – нестройно ответили участники, хотя их никто об этом не просил. Сработал рефлекс, выработанный сериалами. Женя продолжил:

– Мне сорок два года. Я системный аналитик в банке капитал-инвест. Я узнал о вашем семинаре от знакомых и подумал...

– Да плевать, что вы подумали, рассказывайте про подругу! – не выдержала Айгюль.

– Она мне не подруга. Это же манекен! Разве вы не видите?

– Да? Хм. Очень жаль. Я-то понадеялась уже... И зачем вы её принесли?

– Это макет моей жены. Для наглядности.

– Макет жены? Удобно! Эти фото постоянно теряются... А где, скажем так, оригинал? Исходник? Она существует не в виртуальном пространстве?

– Разумеется. Но её сюда не затащить. А я хочу развестись. И не знаю, как начать. Нужно потренироваться. Что говорить, каким голосом. Если разведусь, можете деньги не возвращать. Просто очень надо.

– Ваша жена похожа на свой... макет? – спросила девица.

– Очень похожа!

– В смысле, лицо, ноги?

– Копия! Потому и привёл.

Привычным жестом Женя поправил манекену задравшуюся юбку.

– И вы хотите с ней развестись? – переспросила Айгюль.

– Хочу!

– Она вам изменяет?

– Нет, ну что вы!

– Да, простите. Глупый вопрос. Вы же такой неповторимый! И что же она говорит, когда вы предлагаете развод?

Евгений наклонился ухом к губам манекена и прислушался. И вздохнул.

– Она не хочет. Говорит, что любит только меня.

Юная девица, почувствовав в манекене соратницу, одинокую звезду среди бесконечных уродов, вдруг возмутилась:

– Мир сошёл с ума! Да вы посмотрите на неё и на него! Красавица и чудовище! Причём этот принц такой страшный в уже поцелованном виде! С ним, как ни колдуй, только хуже будет!

За некрасивого вступилась Анна:

– Ну подождите, возможно, жена Евгения обладает дурным характером?

Он обиделся:

– Как вам не стыдно! Она же слышит!

– Женя, не переигрывайте, – сказала Айгюль.

– Простите. Но у моей Мигуми чудесный характер. Её зовут Мигуми. Она из Японии.

– Опишите её.

– А разве вы не видите? Что ещё можно добавить?

– Как же вы встретились?

Теперь партию язвы исполнил Гоша, не удержался:

– Совершенно ясно, как встретились. Женщина была в ко-

ме. А он её украл из больницы, теперь держит в подвале и врёт что, он последний мужчина, уцелевший в зомбо-апокалипсисе! Других объяснений быть не может!

– Хах! Смешно, но вы отчасти правы. Я действительно её похитил! Я был в Токио, в командировке. И мы что-то там выпили, куда-то шли...

– С Мигуми? – уточнила Айгюль.

– Да нет же, пока ещё только с коллегами. Вдруг я потелся и забрёл в квартал, где сплошные магазины. И начался дождь. Захожу переждать непогоду, вижу – она сидит. Две продавщицы и она. Больше никого не было.

– Ваша жена?

– Ну да. И что-то на меня нашло. В целом мне японки не нравятся. Все они чуть кривоваты, на мой вкус.

Девушка побитого возмутилась:

– Да кто бы говорил! Не родилась ещё кобыла такой кривизны, чтобы ему не подошла!

– Грамматически не точно, – заметил Гоша. – Из вашего замечания следует, что уже родилась кобыла такой кривизны, которая ему подойдёт! Это как-то не очевидно!

– Тихо, пожалуйста! Продолжайте, Евгений, – велела Айгюль.

– Ну он же правда страшный! – не унималась девушка.

– Независимо от того, насколько вы правы, мы должны уважать друг друга. Хотя я тоже вспомнила про лошадей почему-то. Всё, всё, продолжайте.

– Так вот, я вхожу и вижу – какая-то невероятная красота. Никого прекраснее не видел, да и не увижу никогда. Я вышел из магазина под дождь. Ходил, ходил. Думал остыну. А в голове одно – нельзя её потерять. Я побежал в магазин, а она уже полуголая. Продавщицы помогают ей надеть какие-то новые тряпки. Я подхватил её на руки – и дальше провал. Не помню ничего. Очнулся в кустах. И понимаю, что только что у нас было всё! Мокрые оба, смеёмся! И я самый счастливый человек на свете! А дальше... её же надо как-то вывозить через границу!

– Хренов извращенец! – крикнул Винсент. – Ты трахнул манекен!

– Как тебе не стыдно! Что ты несёшь! – Анна попыталась усадить Винсента на место, потянув за штаны вниз.

– Ушлёпок! Он украл манекен в магазине и трахнул его в каких-то кустах!

– Винсент!

Айгюль подняла руку, призывая к порядку.

– Я, признаться, тоже запуталась. Женя, вы кого вынесли из магазина?

Женя с отчаянием посмотрел в пластмассовые глаза куклы.

– Вот видишь. Я же говорил, что догадаются. А ты – проскочим, проскочим...

Винсент снова вскочил и забегал по залу, приговаривая

одно только слово:

– Охренеть! Охренеть!

– Признаться, я не понимаю ваших эмоций. Какая разница, к кому я испытываю чувства? Да, моя любимая не подходит под ваши стандарты. Но я от этого не перестаю быть личностью и требую уважать мой выбор.

– Дожили! – не унимался египтянин. Я бы не оставлял тут мебель без присмотра! Все неживые предметы под угрозой! Особенно шкаф в опасности! Такой он пухленький! Так и манит своими обводами! И вазы. Это же типичные вагины, только большие и фарфоровые!

– Вы дикарь! – сказал Женя спокойно. Он был готов к гонениям и притеснениям. И даже принимал их за испытания во имя светлого будущего для всех людей.

– Винсент, сядьте! – твёрдо сказала Айгюль. А вы, Евгений, расскажите нам о ваших чувствах подробнее. Признаться я сама в полном... э... восторге! Да! Именно в восторге! Очень точное слово.

– Я понимаю. Таким, как я, как мы – предстоит долгий путь. Сторонники однополых отношений боролись за свои права десятилетия и добились признания. У нас же всё только впереди. Непонимание, возможно, даже аресты.

– Оставьте социологию! Мы говорим о ваших личных крокодилах. Расскажите, почему вы хотите развестись? Мне кажется, у вашей избранницы не должно быть много претензий. Да и у вас к ней тоже.

– Вы правы. Мигуми близка к идеалу. Покладиста, тихая, иронична. Мне не нравится только, что она глупенькая.

– Простите?

– Не знаю, в чём дело. Возможно – разница менталитетов. Но иногда она как брякнет что-нибудь, даже стыдно за неё.

– Вы что же, слышите её речь?

– Скорей мысли. В её пластиковом теле заключена живая душа. Возможно, это моя любовь её создала. Мы же подобны Господу. И значит, можем вдыхать огонь жизни в косную материю.

– Мама дорогая! Как товарища накрыло! – взмахнул руками Гоша.

– А мне нравится! – сказала Анна. – Какая-то в этом есть романтика! Даже красота!

– Да тихо вы, шведское посольство! Говорите дальше, Евгений, – попросил побитый. Он один сочувствовал рассказчику.

– Да, спасибо. Видите ли, я никогда не нравился красивым девушкам.

– Удивительно! – хмыкнула девица.

– Да! На меня соглашались только женские типажи, которых я называю страусы, воблы и насекомые.

– А сам-то ты кто?!

– Я понимаю причину вашей агрессии! Нас, куклофилов, преследуют все. Даже гринпис. На меня, например, подали в суд в Голландии. Сказали, что я пользуюсь тем, что Мигуми

не может оказать сопротивление, и я якобы могу вытворять с ней что захочу. Будто бы у меня нет совести! Будто я дикарь, извращенец какой-то!

При последних словах Женя как-то неудачно показал на Винсента. Тот вскочил.

– Я не понял, почему он на меня показывает?

Айгюль попросила не отвлекаться.

– Как зовут вашу девушку, вы сказали?

– Мигуми. Вы не представляете, как трудно жить людям с моей внешностью. Однажды я купил ночь с дорогой проституткой. Хотел переспать с почти кинозвездой. Каждый мужчина надеется, что в темноте, под одеялом, кинозвезда разглядит в нём что-то важное и забудет про внешность. Синдром чудовища, как тут верно заметили.

– Какой же вы болтун! Что с проституткой-то?

– Ничего. Абсолютно ничего. Я внёс предоплату. Пришёл. Она открывает дверь, говорит – нет. С тобой не буду. И всё.

– Что всё?

– Всё. Закрыла дверь. И деньги прислала назад.

– Это самый скучный рассказ о проститутках! – заметил побитый. – А я их немало слышал!

– Скотина! – сказала его девица абсолютно без эмоций.

– Я тебя тоже люблю!

Женя продолжил:

– Понимаете, благодаря Мигуми я впервые потрогал бед-

ро идеальной формы! Она прекрасный слушатель и очень чистоплотна! И в сексе, знаете ли, что-то удивительное. Настолько точно всё чувствует! Японцы все не склонны к ханжеству в постели. У них была мода облизывать глаза, например. Повальная. То есть, уважают всё новое. Но Мигуми – что-то небывалое. Такое вытворяет!

– Фу, какая гадость! Немедленно прекратите! – возмутилась Анна.

– Отнюдь! – обрадовался побитый. – Продолжай, брателло! Режь правду!

– Вы неправильно меня поняли. Ничего особенного мы с Мигуми не делаем.

– Прекратите, я сказала!

– Я лишь кладу ей голову на колени и так засыпаю. Ни одна женщина не терпит такое дольше пяти минут. Все возятся и ворчат. А с Мигуми – хоть всю ночь. Утром она тоже скрипит, конечно. Говорит, тут затекло, там замёрзло. Но я делаю ей массаж, и у нас снова... Ну вы поняли.

– Если всё так хорошо, зачем разводиться? – спросила Айгюль.

– Мне кажется, мы застряли в отношениях. Нам надо идти дальше.

– Ей тоже?

– Конечно!

Рассказ Евгения взволновал всех. Анна проявила жен-

скую солидарность:

– И куда она после вас? У неё ни документов, ни образования. Она ходить не может!

Гоша сказал гадость:

– Я слышал, есть публичные дома с куклами. С опытом и толерантностью вашей подруги она могла бы неплохо устроиться.

Побитый сказал странное:

– Я бы взял у неё телефончик. Не сейчас, конечно, после развода. Просто интересно, как сложится судьба. И кстати, у неё есть подружки?

Винсент дал совет практичный и бездушный:

– Зачем вообще разводиться? Просто поставь её в шкаф! Соскучишься, достанешь. Я вот скучаю по подружкам юности. А тут раз – достал из шкафа. То-сё, чаю с коньяком...

И только юная девица сохранила ясность разума, сказав:

– Эй, она пластмассовая!

Айгюль кивнула.

– Мужчины удивительно чутко перенимают друг у друга сексуальные паттерны и прощаются с реальностью. Как всё закрутилось! Хотя вторую докторскую пиши!

– Так вот, я хочу спросить, что же нам делать? – напомнил Женя.

– Я категорическая противница расставаний, – сказала Айгюль. – Считаю, каждый развод происходит из капризов и неумеренных амбиций. Но второй раз за сегодня мне хочет-

ся воскликнуть: разводите к хренам собачьим!

Ведущая протянула Евгению ритуальный нож племени Навахо.

– Но как? Что мне ей сказать?

– Ничего не говори! Она не слышит! У ней уши не настоящие! – не унималась девица.

Её побитый друг предложил лучший выход:

– Старик, чисто в медицинских целях... приглашаю завтра в одно место. Познакомлю с Анжеликой. Она с ослом в кино снималась. Может, и на тебя согласится.

– Зря вы так. Для вас Мигуми – лишь кусок пластмассы. Но для меня-то – нет! Я вижу в ней человека! Я должен с ней расстаться так, чтобы не было стыдно перед собой!

– Идея с Анжеликой очень хорошая, – поддержала Айгюль. – Я бы прописала дополнительно Эсмеральду и Клементину. Этот скворечник надо чем-то заполнить.

* * *

Для наглядности ведущая подошла и погладила Женю по макушке.

– И ещё я бы рекомендовала порносайты трижды в день и распутство в социальных сетях. Даже на такого неповторимого персонажа, как вы, обязательного найдётся любительница необычных ощущений. Генри Миллер писал как-то про одноногую проститутку, страшно популярную в богемных

кругах.

– Что значит – неповторимого?

– Я хочу сказать, на каждый винтик найдётся гаечка.

– Такая же убогая?

– Мы, психологи, говорим «такая же уникальная». Хотя кого я обманываю. Точно, убогая.

– Вы отличный коучер. Я возвращаюсь к Мигуми!

– Зря вы, Женя, недооцениваете живых замухрышек.

Мужской мозг устроен так, что любая лягушка после серии поцелуев в нужные места обретает черты принцессы. Если смотреть на неё из мужской головы. Я бы и сама взялась вас подремонтировать, но профессиональная этика не велит. И чувство прекрасного тоже.

– Не сдерживайте себя! – попросил побитый. – Мы с удовольствием посмотрим практические занятия. Как тут при-тушить свет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.